

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

334

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Е.В. Ананьева, П.С. Каневский
**БРЕКЗИТ-1 И БРЕКЗИТ-2:
БРИТАНИЯ И США
МЕНЯЮТ ПАРАДИГМУ?**

МОСКВА 2016

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

Е.В. Ананьева, П.С. Каневский

**БРЕКЗИТ-1 И БРЕКЗИТ-2:
БРИТАНИЯ И США
МЕНЯЮТ ПАРАДИГМУ?**

**Доклады Института Европы
№ 334**

Монография

Москва 2016

УДК 316.324.8+[323+327](410+73)
ББК 66.3(4Вел)+66.3(7Coe)+66.4(4Вел),01+66.4(7Coe),01
А64

Редакционный совет:
Ал.А. Громыко (председатель),
Е.В. Ананьева (шеф-редактор), Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Под редакцией В.Б. Белова

Рецензенты:

Соловьёв Сергей Александрович, кандидат исторических наук
Швейцер Владимир Яковлевич, доктор исторических наук

Номер государственной регистрации: № 115022670064
«Комплексные исследования экономического, политического и
социального развития стран и регионов Европейского континента
на современном этапе»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Ананьева Е.В., Каневский П.С. Брекзит-1 и Брекзит-2: Британия и США меняют парадигму? = Ananieva E.V., Kanevsky P.S. Brexit-1 and Brexit-2: The UK and the US Changing the Paradigm? : монография / – М. : Ин-т Европы РАН, 2016. –72 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 334). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-081-1.

Монография посвящена анализу постмодернизма как философской парадигмы мышления, её воплощения в сфере политического (как во внутренней политике, так и в международных отношениях), а также долгосрочных тенденций социально-экономического развития, послуживших причинами Брексита и избрания Д. Трампа президентом США.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-081-1

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2016

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

E.V. Ananieva, P.S. Kanevsky

**BREXIT-1 AND BREXIT-2:
THE UK AND THE US
CHANGING THE PARADIGM?**

**Reports of the Institute of Europe
№ 334**

Moscow 2016

Аннотация

Монография посвящена социально-политическому и философскому анализу причин Брекзита в Британии и его американского аналога (Брекзита-2) – избрания Д. Трампа президентом США, которые следует искать в глубинных сдвигах общественного, экономического и политического устройства этих стран. Лидеры неолиберализма с 1980-х гг., ныне они стали мотором беспрецедентного после Второй мировой войны глобального разворота. Исследуя его истоки, авторы прослеживают метаморфозы постмодернизма как философской парадигмы мышления, её воплощения в сфере политического (и во внутренней политике, и в международных отношениях). Между Брекзитом-1 и Брекзитом-2 прослеживается много сходных черт, однако главное, что их объединяет – кризис постмодернистского ценностного ядра. Помимо комплексного анализа причин, побудивших британцев и американцев к радикальной смене курса, в работе прослежены долгосрочные сценарии того, какое влияние Брекзит-1 и Брекзит-2 могут оказать на свои страны, Россию и всю систему международных отношений.

Annotation

This study is dedicated to social-political and philosophical analysis of causes and consequences of Brexit in the UK and D. Trump's election in the US. The roots of Brexit-1 and Brexit-2 (its American analogue) lay in systemic changes in social, economic and political spheres of these countries. UK and US have been leaders of neoliberalism since the 1980s, but today they became a driving force of a global U-turn unprecedented since the end of WWII. To understand why this U-turn became possible, the authors look closer at metamorphosis of postmodern thinking and its reflection in national and international politics. There are plenty of similar characteristics between the two Brexits, yet what unites them is the crisis of the postmodern value core. Along with a complex analysis of causes, this work tends to follow long-term scenarios of Brexit-1 and Brexit-2 and their ability to affect Britain, United States, Russia and the whole system of international relations.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
1. Парадигма постмодернизма.....	10
2. Брекзит-1: Референдум о членстве Британии в ЕС.....	30
3. Брекзит-2: Победа Трампа – Брекзит по-американски.....	36
4. Заключение.....	57
Об авторах.....	67

CONTENTS

Introduction.....	7
1. The Postmodernist Paradigm.....	10
2. Brexit-1: The UK EU Referendum.....	30
3. Brexit-2: Trumps' Victory as Brexit, American Style.....	36
4. Summary.....	57
About the authors.....	67

ВВЕДЕНИЕ

Среди бесчисленных аналитических статей о причинах негативного исхода голосования на референдуме о членстве Британии из ЕС (июнь 2016 г.) и избрания президентом США Д. Трампа (ноябрь 2016 г.), негативного для правительства М. Ренци итога голосования о конституционной реформе в Италии (декабрь 2016 г.), о политике правящих партий в Венгрии и Польше много внимания было и будет уделено краткосрочным факторам. К ним можно отнести отрицательное воздействие личного вмешательства Б. Обамы в агитационную кампанию в преддверии референдума в Соединённом Королевстве, недоверие британцев к Д. Кэмерону, расследование ФБР против Х. Клинтон или «утечки» от «российских хакеров». Однако проигравшей стороне рано или поздно придётся серьёзно задуматься о том, каковы же подспудные глубинные тектонические сдвиги, расколовшие общество; каково истинное состояние экономики, социально-экономической и нравственной ситуации и насколько внешнеполитический курс отвечает национальным интересам этих стран.

Существует мнение, что череда подобных событий – некая абберрация, кратковременный откат в прошлое, но прогресс необратим: в будущем жизнь общества станет глобальной (потоки дешёвых товаров и мигрантов захлестнут планету), будучи целиком построенной на цифровых технологиях (разрушительных для старых отраслей промышленности при роботизации и искусственном интеллекте), а экономика по необходимости станет устойчивой (в использовании энергетических ресурсов). Консерваторы настроят против себя прогрессистов и центристов, и жизнь возвратится на круги своя¹.

Как оценить текущие события и подспудные тенденции?

Критика глобализации, интеграции, современной архитектоники мировой экономики, наднациональных образований, либеральных ценностей в их нынешней ипостаси, политики откры-

¹ Leyden P. Why Trump's Inauguration is Not the Beginning of an Era – but the End. URL: <https://shift.newco.co/https-medium-com-peteleyden-why-trumps-inauguration-is-not-the-beginning-of-an-era-but-the-end-72a86833f0a3#.ulwcjxhja>.

тых границ существовала всегда, однако сегодня речь идёт не просто о критике, но о попытке пересмотра основополагающих элементов современного мироустройства.

По мере того, как с эпохи Рональда Рейгана в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании стали преобладать идеи неоллиберализма, казалось, что мировое сообщество, наконец, пришло к единому пониманию нового мирового порядка и его основополагающих идей, выразителями которых стали центристские политические партии и лидеры. Они могли тяготеть к либеральному, консервативному или социал-демократическому идеологическим полюсам, однако никто всерьёз не ставил под сомнение установленный порядок. Критика звучала, но она носила скорее маргинальный характер, долгое время её оплотом были политики и мыслители левого толка, немэйнстримовские партии, радикальные молодёжные группы, которые, впрочем, имели крайне несущественное влияние. Симптоматично, что столь мощный разворот в мировой политике и экономике вновь пришёл из англо-саксонского мира, который решительнее всех в последние три десятилетия защищал принципы свободы, открытости, социального либерализма, международной торговли.

Брекзит в Великобритании и победа Трампа произошли с разницей менее чем в полгода, что, конечно, стало большой неожиданностью для большинства экспертов, которые до последнего предпочитали считать подобные сценарии иррациональными и не имеющими под собой реального основания. Во многом эффект неожиданности и дальнейшей растерянности был вызван преимущественно тем, что в этих странах утвердилась двухпартийная система, которая, думалось, не должна допустить нарушение политического статус-кво. Дело в том, что мажоритарная избирательная система способствует крупным «зонтичным» партиям, а малые партии она откровенно дискриминирует. Соответственно, различные фракции в партии вынуждены сосуществовать, не допуская расколов, опасаясь оказаться на обочине электорального процесса, а стало быть, и государственной власти.

Страны с выраженной многопартийностью (в силу пропорциональной избирательной системы), особенно в Евросоюзе, почувствовали на себе смену ветра раньше. Франция, Италия,

Финляндия, Нидерланды, Бельгия, Испания, Греция, Австрия, Германия, Польша, Венгрия, Чехия и пр. стали свидетелями стремительного усиления несистемных политических сил, которые позднее стали называть универсальным термином «популизм» («правые популисты», «альтернативные правые»), хотя не использовали ли центристы тот же метод популизма – простого решения сложных проблем?

Ещё несколько лет назад наблюдатели были уверены, что мажоритарная система не может допустить столь быстрого усиления несистемного политика, будь то республиканца или демократа. Конечно, Трамп мог бы избрать путь независимого кандидата, ведь современная американская история знает примеры успешных кампаний «третьих» представителей. В частности, Росс Перо в 1992 г. получил рекордные 19% голосов американских граждан. Однако традиция республиканско-демократическая монополии на власть, которая установилась ещё со времён Авраама Линкольна, делает такие попытки не более чем символическими притязаниями, так как коллегия выборщиков служит системным фильтром, который, по сути, гарантирует сохранение двухпартийности. Соответственно, Трампу, который был нацелен явно не на символический успех, пришлось прорываться сквозь дебри истеблишмента. Вопрос заключается не только в том, почему победил именно Трамп, но и в том, почему сама система пропустила его на вершину Олимпа.

Ещё одной особенностью нынешней кампании, помимо объективных процессов и конфликтов внутри партийной системы, стал неожиданно высветившийся кризис ценностного ядра постмодернизма. Завоевав повсюду сторонников, нелиберальная повестка англо-саксонского мира в последние десятилетия привела к коренному изменению ценностно-идеологического пространства, которое наиболее ярко было отражено в приходе к власти «новых демократов» Билла Клинтона и «новых лейбористов» Тони Блэра в 1990-е гг. Они принесли полную смену социально-политических и экономических приоритетов, большие коллективистские нарративы прошлого были заменены на групповые и индивидуальные интересы, причём революция заключалась в том, что двигателями этого изменения стали не правые,

традиционные либералы, а политические силы, исторически тяготевшие к левой части спектра. Неолиберальный тренд рейганизма-тэтчеризма, выраженный в триаде «свобода-индивидуализм-предпринимательство», был подвергнут не критике, а скорее переосмыслен и дополнен, что знаменовало собой рождение экономики знаний, новых профессий на стыке творчества, науки и новых технологий, резко возмраставшей интернационализации социального пространства, которое абсорбировало всё национальное и культивировало постнациональное, универсальное, глобальное.

Именно посткультурное пространство, ядром которого стала инновационная деятельность, питаемая от распространения свободы, стало объектом современной реакции. Кампании Брекзита и Трампа решились на переосмысление посткультурного пространства, сделав упор на их эксклюзивности, а не инклюзивности, таким образом, развернув парадигму в ровно противоположном направлении.

Механика Брекзита и победы Трампа была совершенно разной, потому что у Великобритании и США разное политическое устройство, однако смысл оказался очень похожим – победа несистемных сил, выступивших против устоявшихся парадигм развития и образа мышления.

1. ПАРАДИГМА ПОСТМОДЕРНИЗМА

– Главный приоритет для нас – это способ дискурса, функция дискурса, статус дискурса. Его метафоричность, его несвязанность, его абсолютная ателеологическая самодостаточность.

Фаулз Дж. «Мантисса»

Объектом неприятия для сил анти-истеблишмента стали присущие постмодернизму основные черты, которые из философии и искусства перешли в политическую сферу, воплотившись в теории и практике как американских неоконсерваторов, так и «третьего пути» социал-демократии.

Постмодернисты отвергают в принципе возможность построения всеобъемлющей теории, как и самую возможность на-

учной объективности: для действительности характерны случайность, фрагментированность и неопределённость, а не вера в Истину и Разум эпохи Просвещения.

Историческая судьба марксизма серьёзно отразилась на духовной атмосфере Запада. «Западный марксизм» в лице Франкфуртской школы, таких фигур, как А. Грамши и Л. Альтюссер и др., ответили теоретическими инновациями². По ряду причин интеллектуальное разочарование в марксизме как в теории, так и в практике, особенно сильно сказалось во Франции. В послевоенной Франции влияние Альтюссера было велико, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, С. де Бовуар – все имели отношение к радикальным левым. Постмодернисты Ж.-Ф. Лиотар и Бодрийяр входили в марксистские группы, и даже М. Фуко, пусть недолго, был членом ФКП. Данные обстоятельства важны, поскольку зачастую, пусть и в неявной форме, мишенью для постмодернистов в их критике модернизма служит марксизм: предупреждения об опасности «тоталитарных» идеологий и скептицизм в отношении «необоснованных» претензий философии истории читаются как отсылки к марксизму.

Термин «постмодернизм» стали употреблять в историческом и социологическом контексте. Так, в середине 1950-х гг. Ч. Райт Миллс «период постмодерна» связывал с утратой веры в обе идеологии модерна – либерализм и социализм³. Однако лишь после контркультурой революции 1968 г., символизировавшей точку перелома в становлении постмодернизма, он проявляется отчётливо, сначала в качестве интеллектуального течения, увязывающего философские и культурологические темы, а затем как сознательная и отчетливо различимая философская позиция, воплотившаяся и в политической практике.

Мы остановимся на основных постулатах постмодернизма, не имея возможности осветить тему подробно.

Истина, универсализм и рациональность vs плюрализм, партикуляризм и иррационализм

Подвергая критике рационализм и логоцентризм Просвеще-

² Осипова Е.В. Западный марксизм: социальный аспект. Социологические исследования. 1991. №4. С. 111-122.

³ Smart B. Postmodernity. Routledge and Kegan Paul, L., 1983. P. 25-26.

ния, постмодернисты считают истину социально и исторически обусловленной, продуктом конкретной исторической эпохи; в нашем сообществе (продукте времени и случая) представления об истине как соответствии реальности должны уступить место представлению об истине как убеждению, сложившемуся в ходе свободного и открытого столкновения мнений. «Истинно» всё, что оказывается результатом таких столкновений.

Американский философ Р. Рорти⁴ приводит следующее обоснование: человек, формируя языки, в которых выражаются предложения, не «открывает», не «обнаруживает» истину, а «делает» или «создаёт», причём не истину, а «истины». Таким образом, признание стихийного характера создания языка – в ходе эволюции, подобно постоянному уничтожению старых форм новыми формами жизни не ради исполнения высшего предназначения, но слепо – приводит к признанию случайного характера совести (conscience), и «оба этих признания приводят к взгляду на интеллектуальный и нравственный прогресс как на историю полезных метафор, а не как на историю понимания, каковы же вещи на самом деле». «...мир не предоставляет нам никакого критерия выбора между альтернативными метафорами ...мы можем только сравнивать языки или метафоры друг с другом, а не с чем-то, что находится вне языка и называется “фактом”».

Суть научных революций заключается не в постижении внутренней сущности природы, а в метафорических переописаниях природы, и, таким образом, ключевое значение имеют изменения в словаре науки, а не изменения в убеждении. По мнению постмодернистов, либеральная культура нуждается в усовершенствованном самоописании, а не в наборе обоснований. Мысль о том, что она нуждается в обоснованиях, считают постмодернисты, стала результатом сциентизма Просвещения, который, в свою очередь, был пережитком религиозной потребности в человеческих проектах, заверенных высшим, нежели человеческий, авторитетом.

Один из основателей Римского клуба О. Джиарини писал об

⁴ Рорти Р. «Случайность, ирония и солидарность». Перевод с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова М., Русское феноменологическое общество, 1996. С. 30, 43.

этом феномене: «В противовес тому, что произошло в 19 веке, когда науку считали самым эффективным способом постижения “всеобщей истины”, и как таковую соперницей религии, сейчас получило признание мнение о том, что наука – метод “фальсификации” (по терминологии К. Поппера) теорий, гипотез и фактов. Другими словами, нет такой вещи как “всеобщая” научная истина, есть только ограниченная операциональная обоснованность (validity) во времени и в пространстве любого научного закона или научной теории. Базовые понятия, например, относительность времени/пространства, недетерминированность систем, историческая относительность аксиом и неопределённость распространяются по всему спектру естественных и общественных наук. Даже Эйнштейну вопреки своей воле и глубоким моральным убеждениям пришлось признать, что “бог играет в кости”»⁵.

Сам принцип рациональности, считают постструктуралисты, ограничивает спонтанность работы мысли и воображения, и обращаются к бессознательному. Отсюда увлечение иррационализмом, неприятие принципа целостности (холизма), акцент на нестабильном, противоречивом, фрагментарном и случайном. Впрочем, сама действительность характеризуется этими признаками, которые они почувствовали наиболее остро. Теория постструктурализма – это выражение философского релятивизма (обусловленность временем и случаем) и скептицизма, “эпистемологического сомнения”, ставшего по сути теоретической реакцией на позитивистские представления о природе человеческого знания⁶.

Отличительная черта постмодернизма – неприятие универсализма, т.е. любой объяснительной схемы или обобщающей теории, претендующей на логическое обоснование закономерностей действительности. Любую теорию общего характера они считают проявлением метафизики (под которой они понимают принципы причинности, идентичности, истины и т.п.). В своей ранней работе «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитар-

⁵ Giardini O., Stahel R.W. *The Limits to Certainty*. Progres, Geneva, 1993. P. 215.

⁶ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., Интрада. 1996. С. 6.

ных наук» Деррида сформулировал отрицание самой возможности существования какого-либо первоначала, первопричины. Ж. Делез и Ф. Гваттари пошли еще дальше, используя метафору ризомы (запутанной корневой системы, в которой неразличимы отростки и побеги, волоски которой, регулярно отмирая и заново отрастая, находятся в состоянии постоянного обмена с окружающей средой). Ризома вторгается в чужие эволюционные цепочки и образует «поперечные связи» между «дивергентными» линиями развития). В результате «инаковость» оказывается «одинаковостью», постулируется тождество «плюрализм-монизм», поскольку различие поглощается недифференцированной целостностью и теряет свой четкий маркированный характер⁷. Ризома, отмечает И. Ильин, вообще стала рассматриваться как эмблематическая фигура постмодерна, и У. Эко охарактеризовал ризому как прообраз лабиринта, которым он руководствовался, создавая «Имя розы». Неудивительно, что с ризомой сравнивают и паутину Интернета.

Идеология: симулякры вместо метанарративов

Постмодернизм выражается в эрозии веры в «легитимирующие» политический строй метанарративы, в присущий им образ мышления и структуру социальных институтов, что вызвано развитием общества и культуры на постиндустриальной его фазе. В постиндустриальном обществе господствует «дух перформативности», попытка свести общество к эффективной системе, гарантирующей оптимизацию отношения «вход/выход», где «технические приёмы подчиняются принципу оптимизации продуктивности...это такие игры, чья обоснованность не в истине, не в справедливости, не в красоте и тому подобном, а в эффективности», «уравнение состоит из богатства, эффективности и истины»⁸.

Ж. Бодрийар, как и Лиотар бывший марксист, пришёл к постмодернизму. Он подчёркивает, культуру и экономику уже сле-

⁷ Delueze G. Guattari F. Rhizome. P., 1976. 74 p.

⁸ Touraine A. La societe postindustrielle. P., Denoel, 1969. D. Bell. The Coming of the Post-Industrial Society. NY., 1973. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна (1979). Перевод с французского: Н.А. Шматко, «Институт экспериментальной социологии», Москва, Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург, 1998. С. 36, 108, 109.

дует рассматривать как амальгаму, т.е. уже невозможно разделить сферу экономики и производства и сферу идеологии и культуры, поскольку культурные артефакты, имиджи, репрезентация, даже чувства и психические структуры стали частью мира экономики⁹.

В более поздних работах Бодрийар пишет о том, что имидж или знак совершенно замещают реальность, то есть аргументы постструктуралистов доведены до логического конца. Если (вспомним Деррида) «внетекстовой реальности не существует», то любая двойственность имиджа и реальности, знака и референта должна быть преодолена: имиджи уже не привязаны к внешнему референту или реальности. Бодрийар приводит пример с картой, которая уже не соответствует какой-то территории, а предшествует ей, порождает её, создавая «гиперреальность». «Мыльные оперы» и «тематические парки» – единственная реальность – Диснейленд воплощает «истину» Америки и американского образа жизни¹⁰. Помимо США, реализацией антиутопии, с точки зрения Бодрийара, стал информационный симулякр войны в Персидском заливе¹¹.

Точно также и идеология уже относится к прошлому, поскольку идеология «не дотягивает» до неискажённой истины. Современный мир симуляции, по Бодрийару, – это мир, в котором экран и «сеть» – единственные онтологические сущности. Режим массовой коммуникации и изолированного потребления преобразует и другие сферы общества, угрожая собственно социальности социальной жизни. Люди не только теряют доступ к сфере подлинно публичной, но при этом не остаётся и ничего тайного [вспомним скандал с системой прослушивания «Эшелон», а также разоблачения Э. Сноудена, Викиликс – Е.А.]. Граница между сферой частной и общественной жизни под напором информации и коммуникации размывается. Остаётся только «не-

⁹ Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. Издательство «АЛЕТЕЙЯ». Санкт-Петербург. 2000.

¹⁰ Ф. Джеймисон: «Мы всё больше изолированы от собственной истории, поскольку знакомимся с историей через тематические парки и телевизионные мини-сериалы, а не исторические проекты политических движений или идеологий». Jameson F. Postmodernism. «NLR», 1984, № 146.

¹¹ Бодрийар Ж. Войны в заливе не было. Художественный журнал. 1994, № 3.

разборчивость», беспорядочность ничем не ограниченных связей. Вслед за Делезом и Гваттари («Анти-Эдип»), Бодрийар считает характерной патологией этой вселенной шизофрению, где шизо – чистый экран, переключатель для всех сетей влияния.

Отметим, в частности, роль французского постструктурализма в становлении постмодернизма, с его критикой эссенциалистского мышления¹² и концепцией диффузной власти (М. Фуко)¹³, трудов Ж.-Ф. Лиотара («недоверие к метанарративам» и положение о несостоятельности идеологий как последовательных и всеобъемлющих систем идей).

Скептический настрой постмодернизма – это нетерпимость к великим проектам и амбициозным политическим программам. Попытки объединить общество искусственно, в соответствии с какой-нибудь великой «тотализирующей» теорией или идеологией, на их взгляд, неубедительны.

Крах «великого нарратива» – приглашение к сосуществованию различных маленьких нарративов. Их сосуществование может принимать различные формы: «релятивистской индифферентности» культур друг к другу (мультикультурализм), сопровождаться тотальным отрицанием всеобщего, универсализма. Гиперплюрализм имплицитно присущ постмодернизму как проекту.

Общество и политика – два дитя модерна, умирают. И общество как объект конвенциональной социологии, и коллективные классовые социальные действующие (акторы) марксистской идеологии исчезают, а вместе с ними и наличествующие модели социального анализа и политического действия. Вместо них приходят «массы» в качестве партнёров мира массовой коммуникации, изолированного потребления и общественного мнения. Эта «совокупность» (по Сартру) коллективна только в статистическом смысле. Массы – апофеоз «серийности». Подобно радиослушателям и телезрителям, люди массы уже не встречаются и не дискутируют, а лишь сосуществуют в качестве диспер-

¹² Деррида Ж. О грамматологии. М. 2000; Деррида Ж. Письмо и различие. С.-Пб. 2000.

¹³ Foucault M. Power/Knowledge. Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977. Brighton. 1980.

сной, пассивной и бессвязной аудитории. В мире эпохи постмодерна, в котором господствуют информация и коммуникация, массы не в состоянии сформировать сознательные, организованные группы, которых требуют коллективные политические действия. В отличие от коллективной борьбы пролетариата, сопротивление масс принимает характер пассивного упрямого отказа говорить, действовать или принимать участие. Тупой иммобилизм масс – лучшая форма активности, а их нечегонеделание – великолепная форма сопротивления. Позицию Бодрийара можно расценивать как симптоматичную для общества, в котором, согласно Фуко, человеческие существа – продукт властных отношений, конституирующих их не только в качестве объектов, но и субъектов¹⁴.

Сфера политического

Аналитики расходятся и в оценках постмодернизма: его считают либо последним оплотом критического мышления, либо слегка завуалированной формой неоконсерватизма. Философский постмодернизм отвергает все формы философии истории и подрывает основные категории западной философии и метафизики (Лиотар, Бодрийар). Социальный постмодернизм представлен теоретиками, связывающими постмодернистские тенденции в культуре и в искусстве с состоянием общества – будь то общества «постиндустриального», «позднего» или «развитого» капитализма (Ф. Джеймисон, Э. Лакло и Ш. Муфф, С. Лэш и Дж. Урри, Э. Гидденс), «постмодернистского» и т.п. Между обоими подходами существуют расхождения: философский постмодернизм, как представляется, отрицает то, что требует постмодернистская социальная теория и теория культуры – философию или, хотя бы, некую общую концепцию истории.

Политический смысл «постструктурализма» в постмодернизме указывает на превалирование в социальном и политическом плане функционального над структурным, постепенное ослабление, если не полное исчезновение политики, целиком основанной на классовом интересе. Этот конформизм постмодернизма отмечали также А. Хеллер и Ф. Фейер: «Отнюдь не со-

¹⁴ J. Baudrillard. *L'illusion de la fin*, 1992; J. Baudrillard. *The Consumer Society*. L., Sage, 1999.

здавая новую великую объединяющую теорию и не поднимая на организованную борьбу против “системы”, постмодернисты пытаются утвердить множественность дискурсов, культур, направлений политической борьбы и мнений»¹⁵. В политологической литературе переосмысление философского понятия истины выразилось в появлении феноменов «радикального», или «ультра-плюрализма».

Фрагментация производства, возникновение новых средних слоёв при численном снижении рабочего класса, индивидуальные формы потребления нашли выражение и в политике. В отличие от монолитных коллективных агентов и норм солидарности, характерных для классовой политики, возникло множество форм борьбы, областей конфликта, проблем и способов политического действия. Плюрализм «новых общественных движений» нашёл отражение в «политике сопротивления» в которой участвуют женщины, пацифисты, защитники окружающей среды, гомосексуалисты, борцы с расизмом, этнические меньшинства, правозащитники. А. Турэн увидел в этих признаках переход от «индустриального» к «постиндустриальному» обществу.

Д. Уэст, один из критиков постмодернистов писал: «... наряду с конфликтами экономического характера безошибочно угадывается постмодернистская политика, которую проводят как правые, так и левые. Её основа и цель функционально направлены в двояком смысле: во-первых, это однопроблемные действия, воплощающие суть функционалистско-постмодернистской политики. Во-вторых, и правые, и левые предпринимают попытки реорганизовать функциональную структуру данного общества: политические тенденции уже нельзя понять в модернистско-классовых категориях, поскольку их интерпретация в строго структуралистских (классовых) категориях приведёт к абсурдным результатам. Парадигматическими примерами постмодернистско-функционалистских тенденций служат тэтчеровский проект «народного капитализма» крайне правых и майские события 1968 г. во Франции на радикально-левом конце политического спектра. «Существовать после», в данном смысле оз-

¹⁵ Heller A., Feher F. The Postmodern Political Condition. Cambridge, Polity Press, 1988.

начает «существовать после классовых сценариев»¹⁶.

Д. Уэст отмечал противоречивость и логическую несостоятельность постмодернизма. Он задавался вопросом о том, как могут постмодернисты рассуждать о справедливости, не нарушая собственных жёстких принципов критики категории «всеобщее»? Жизнеспособная политическая линия не может быть выведена из голого отрицания всеобщего или безоговорочного уважения к различию. Ведь не все культуры, религии и мировоззрения могут заслуживать одинакового уважения, если они выдвигают собственные абсолютные и несовместимые политические требования. Религиозные, национальные, этнические идентитеты могут быть столь же исключаящими или подавляющими, как и критикуемая постмодернистами категория «всеобщего» в Просвещении. Отсюда, постмодернистский скептицизм стирает различие между властью и справедливостью и тем самым открывает путь фашизму. Муссолини прекрасно понимал эту связь: «Из того факта, что все идеологии равноценны, что все идеологии – просто фикции, современный релятивист делает вывод, что любой вправе создать себе собственную идеологию и попытаться навязать её со всей энергией, на которую способен»¹⁷.

Ещё один источник влияния на распространение постмодернизма в политологии – работы немецкого социолога и социального философа У. Бека, ставшие вехой в развитии обществоведения на Западе. У. Бек считал, что общество ещё не вступило в эпоху постмодерна, но всё больше характеризуется не классовыми противоречиями, а созданными в ходе деятельности человека рисками, которым подвергаются все, независимо от положения в социальной структуре: на проблемы общества «распределения богатства» налагаются проблемы становящегося общества «распределения риска»¹⁸.

¹⁶ West D. An Introduction to Continental Philosophy, Polity Press, Cambridge, 1996. P. 3.

¹⁷Цит. по: West D. An Introduction to Continental Philosophy, Polity Press, Cambridge, 1996. P. 217.

¹⁸ Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. 2000; Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge. 1997.

Мысль постмодернистов пошла по пути функционализма, перевода философского релятивизма в политический волюнтаризм. Р. Рорти и Х. Патнэм, в частности, исследовав познавательные возможности человеческого сознания и проблему истины с позиций постаналитической философии и неопрагматизма, делали на этой основе совершенно однозначные политические выводы в пользу либерализма и демократии.

Х. Патнэм, выдвигая гипотезу о моральном основании знания, настаивает на том, что сфера объективного всё же существует – это сфера нравственных убеждений, пусть они лишь контекстуально применимы лишь в конкретных ситуациях и в конкретные периоды времени. Вовсе не обязательно искать более глубокие основания, нежели убеждения: в своём органическом единстве они образуют устойчивый «моральный образ мира», некоторый канон моральной объективности, который даже в своей контекстуальной относительности представляется как определённая реальность.

Патнэм обращается к ключевой идее Дьюи, что если допустить существование истины в этике и политике, то она должна быть подчинена тем же ограничениям, что и научная истина – т.е. мы должны проверять и перепроверять её сами и должны позволять другим проверять её. Этика демократии, предоставляющая право проверять политические идеи, не имеет ничего общего с отрицанием такого права у других. Патнэм считает демократию ценностью, но не столько этической, сколько когнитивной ценностью: демократия – это требование экспериментального исследования в любой области – отказаться от демократии – значит отказаться от идеи экспериментирования¹⁹. Х. Патнэм подводит гносеологический фундамент под здание международных отношений: для американского прагматизма демократия – это не только западный феномен. Х. Патнэм считает, что в стремлении внедрить устои демократии в странах третьего мира было бы неправильно усматривать лишь попытку Запада навязать им свою культуру, ведь демократия связана с современным представлением об истине.

¹⁹ Боррадори Дж. Американский философ. М., Дом интеллектуальной книги Гнозис, 1998. С. 80-81.

Постмодернизм в международных отношениях

Во внешней политике постмодернизм выразился в единении либеральных интервенционистов, а также и неоконсервативных элит. Концепция «продвижения демократии» напоминала о «перманентной революции» Л. Троцкого. По обе стороны Атлантики вызревала идея разделения функций и методов США и Европы в общем деле «продвижения демократии»²⁰. Логика неоконсерваторов и либералов была сродни социалистической теории международных отношений: демократические [читай – социалистические] страны признают легитимность правительств друг друга и отказываются от применения силы в своих взаимоотношениях; подотчётность правительств избирателям затрудняет использование первыми войны как средства политики, поскольку бремя войны ложится на народ. Добавим, что установление демократии точно также предусматривало возможность перепрыгнуть через этапы исторического развития, как и переход от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма. В этом отношении примечательна теория «нового либерального империализма». Её разработал британский, затем европейский дипломат Р. Купер²¹, которому во многом принадлежит авторство «стратегии Соланы»²². Тем больший интерес представляет подплёка более или менее политкорректных формулировок официальных документов.

²⁰ Подробнее см.: Ананьева Е.В. Реконструкция Запада. Международная жизнь. 2005. № 3-4. С. 18-30.

²¹ Р. Купер, бывший внешнеполитический гуру Т. Блэра, кадровый британский дипломат, ранее заместитель руководителя секретариата по вопросам обороны и иностранных дел канцелярии кабинета премьер-министра, в Брюсселе занимал пост заместителя Х. Соланы, представителя ЕС по внешней и оборонной политике, хотя по-прежнему поддерживал связи с Даунинг-стрит, где его идеи пользовались большим уважением. Р. Купер во многом повлиял на мышление Т. Блэра в международных делах. Ныне специальный советник Европейской комиссии. Ему принадлежат работы: Cooper R. «The Postmodern State and the World Order». Demos. 1998; «The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century». Atlantic Monthly Press, NY., 2004; Reordering the World: the long term implications of September 11, published by The Foreign Policy Centre, 2003 (предисловие написал Т. Блэр); «Influencing foreigners is really difficult». «Daily Telegraph», 25.10.2003.

²² Стратегия Европейской Безопасности (European Security Strategy «A Secure Europe in a Better World»).

Р. Купер считал, что Европа перешла из модерна на постмодернистскую стадию развития, на которой военная сила утрачивает значение. Европа выходит из мира баланса сил в постисторический самодостаточный мир законов и правил, межгосударственных переговоров и сотрудничества, основанных на доверии, взаимной уязвимости и прозрачности. США же остаются на «модернистской» стадии, на которой оборона и распространение либерального порядка по-прежнему зависят от военной мощи. С его точки зрения, европейская интеграция при отказе от применения силы – плод гарантий безопасности со стороны США, а не разумности европейцев. Проблема европейцев заключается в том, что США больше привержены силе, чем праву во внешней политике. Европе следует укрепить свою военную мощь, если она не хочет, чтобы США правили миром по своему усмотрению.

В типологии государств, по Р. Куперу, есть третья зона, появившаяся именно из-за «смерти империализма»: мир стал свидетелем возрождения премодернистского мира, погружённого в хаос – это мир «недееспособных государств», утративших признаки государственности, по М. Веберу: легитимность и/или монополию на применение силы.

К странам, находящимся на переходной стадии, Р. Купер относит помимо США и Россию, в которой присутствуют элементы всех трёх типов государства (Чечня – анклав, находящийся на премодернистской стадии). Непонимание между Европой и Россией по-прежнему имеет место, и доверие установится по мере преобразований в российском государстве и в обществе: общая идентичность возникает ещё медленнее, чем совпадение интересов, а первую Р. Купер считает фактором основополагающим.

Надо сказать, что Р. Купер считал контрпродуктивным вмешательство со стороны стран постмодерна в мир хаоса, который не представлял реальной военной опасности, но в котором можно было «увязнуть». Однако угроза со стороны премодернистского мира возросла: государство этой зоны слишком слабо даже для того, чтобы оборонять собственную территорию, уж не говоря о том, чтобы представлять угрозу для других стран, но мо-

жет послужить базой для негосударственных акторов, угрожающих миру постмодерна. После терактов 11 сентября 2001 г. Р. Купер полагал необходимым формирование «оборонительного империализма» (пример – ответ Запада Афганистану). Р. Купер полагал военное вмешательство рискованным, но риск гниения целых стран ещё выше: отсюда, потребность в колонизации столь же велика, как и в XIX в.

Купер предлагал «постсовременным» государствам преодолеть противоречие между применяемыми средствами и провозглашаемыми целями с помощью «двойных стандартов»: действовать на основе права и открытого сотрудничества в сфере безопасности между собой, но к государствам, находящимся на более низкой ступени развития, применять более грубые методы предшествующей эпохи – силу, превентивные удары, хитрость – всё необходимое в отношении тех, кто по-прежнему живёт в XIX в., где каждый был за себя. Там, «где правит закон джунглей, мы должны применять закон джунглей».

С его точки зрения, возникла настоятельная потребность в новом типе «либерального» империализма», приемлемого для мира прав человека и космополитических ценностей. Как и любой империализм, он нацелен на «установление порядка», но основан на принципе добровольности. Постмодернистский империализм принимает две формы: первая – «добровольный» (voluntary) многосторонний империализм глобальной экономики, управляемый международным консорциумом через МФИ. Теология экономической помощи неизбежно подчёркивает необходимость благого правления (good governance). Если государства желают получить выгоду, они должны открыться международным организациям и иностранным государствам (как уже сделали постмодернистские государства). Вторая форма – «соседский» империализм (imperialism of neighbours): нестабильность на границах ни одно государство игнорировать не может (Босния, Косово). ЕС пришёл на Балканы не только с солдатами, но и с полицией, судьями, банкирами, а выборы организовала ОБСЕ. Однако Усама бен Ладен, продолжал Р. Купер, продемонстрировал, что «весь мир в потенциале расположен по соседству». В Европе возникло «движение добровольного возло-

жения на себя обязательств законов и норм, но приз членства страны – голос в сообществе». Если процесс можно назвать «добровольным» империализмом, то конечную стадию он называет «совместным» (cooperative) империализмом. Её самый мощный внешнеполитический инструмент – «соблазн членства» («the lure of membership»), по выражению Р. Купера, в «либеральной, демократической, добровольной империи ЕС».

Р. Купер определённо лукавит, утверждая, что Европа действует лишь силой примера: «Мы – те люди, кто меняет режимы – посмотрите на Турцию и Украину, и вы увидите, как далеко мы продвинулись, просто будучи самими собой»²³. В отличие от многих европейцев, Купер признаёт решающую роль США в обеспечении стратегического пространства, в пределах которого только и возможен «мягкий экспансионизм» Европы. Американские «военные бицепсы», писал Купер, позволяют Европе «расчистить путь для политического решения в имперских полутонах (imperial penumbra)».

Р. Сикорски был более откровенен: «дабы преодолеть враждебность противника, надо изменить его по своему образу и подобию, насадив ... демократию. Можно создать концентрические круги связей с нашим клубом, чтобы преобразовать внутреннюю политику наших соседей по нашему образцу. Способность изменять политический курс и даже психологию правящих классов, даже целых народов – важнейший инструмент. Приятно сознавать, что такой пряник в придачу к американскому кнуту – наш (Европы – Е.А.) вклад в это неотложное дело»²⁴.

Н. Талеб, автор знаменитой книги «Чёрный лебедь» после победы Д. Трампа на президентских выборах написал памфлет «Интеллектуальный идиот»²⁵, в котором высмеял примитивную

²³ URL: <http://www.teameurope.info/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=105>.

²⁴ Радослав Сикорски, в то время директор программы «Новая Атлантическая Инициатива» при Американском Институте Предпринимательства (Radek Sikorski. AEI's New Atlantic Initiative. URL: <http://www.aei.org/news20904>); в 2005–2007 гг. – министр обороны Польши, в 2007–2014 гг. – министр иностранных дел в правительстве Д. Туска; с сентября 2014 по июнь 2015 г. – маршал Сейма Польши.

²⁵ Taleb N.N. Intellectual-Yet-Idiot. URL: <https://medium.com/incerto/the-intellectual-yet-idiot-13211e2d0577#.wf80v9xif>.

логику «клерков от политики», неспособных отличить науку от наукообразности. «У них на полках стоит «Чёрный лебедь» в твёрдой обложке, но они принимают отсутствие доказательств за доказательство отсутствия и способны воспринимать лишь логику первого порядка, а логика второго порядка – последствия – им недоступна. В своём уютном загородном доме с гаражом на две машины они поддерживали «смещение» «диктатора» Каддафи, не осознавая, что смещения имеют последствия, однако они не расплачиваются за последствия, а потому не чувствуют их на собственной шкуре (no skin in the game)».

Пожалуй, самый беспощадный приговор постмодернизму принадлежит Т. Бьюзу: «постмодернизм – обесцененная культурная форма, чудовищный эстетический гибрид, декадентская ублажающая себя аполитичность и элитарный ироничный нигилизм. Постмодернизм более того циничен, но не цинично *страдающий*, а цинично *разрушительный*, это злоумышленник, яростно нападающий на познавательные, эстетические и моральные основы»²⁶.

Очевидно, любая теория на начальном этапе – становления – остро подмечает недостатки и противоречивость теории предшествующей. Однако, созревшая и доведённая до логического конца, превращается в свою противоположность, обнажая несостоятельность собственных предпосылок. Релятивизм (относительность истины), функционализм (прагматизм), стирающий грани между идейными предпосылками, гиперплюрализм утвердились во внутренней и внешней политике²⁷.

Третий путь

«Новые лейбористы» в поисках нового, привлекательного для избирателей, лица партии активно занялись концептуальными разработками и ещё до выборов 1997 г. установили интеллектуальное сотрудничество с американскими демократами, которое могло посоперничать по общности духа с эрой Р. Рейгана и М. Тэтчер. В его основе лежала концепция «третьего пути»,

²⁶ Bewes T. Cynicism and Postmodernity. L. Verso. 1997. P. 26.

²⁷ См.: Кортунов А. «От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем». «Россия в глобальной политике». Фонд исследований мировой политики. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-Vospominaniya-o-buduschem-18552>.

пролегающего не между правым и левым полюсами политического спектра, а «вне» (beyond) его.

Именно Клинтон и «новые демократы» предложили аналогию «третьего пути» с вершиной треугольника, чтобы выразить идею о том, что можно выработать политический курс вне традиционного политического спектра. Данная аналогия особенно важна в свете того, что первоначальная концепция называлась концепцией «общества со-владения» (stakeholder's society) и уходила корнями в идеи американских и британских коммунитаристов (А. Макинтайр, А. Этциони, К. Лаш, Дж. Грей). Однако термин не был официальным названием концепции и стал играть лишь вспомогательную роль ввиду того, что подразумевал далекоидущую политику – бóльшую степень госрегулирования и участия работников в управлении предприятием, чем считали приемлемым «новые лейбористы» и «новые демократы». Отсюда и возник в 1990 г. термин «третий путь», вобрав общие послышки «стейкхолдинга», но отвергнув его радикальные социально-экономические меры. «Новые лейбористы» Т. Блэра и «новые демократы» Б. Клинтона остановились на концепции «третьего пути» – казалось, прагматичной, хотя её подвергали критике за эклектичность и аморфность. Журнал «The Economist» охарактеризовал её суть: «Постмодернистская постнеоклассическая политика включённости в постидеологическую эру».

Матрицей для анализа теоретических положений концепции «третьего пути», с которой выступили лейбористы, и её воплощения в политике правительства могут служить программные речи и публикации Т. Блэра, разработанные «мозговыми центрами» идеи и задачи, вошедшие затем в предвыборные манифесты Лейбористской партии и практические приоритеты бюджета правительства.

Свои политические взгляды Блэр впервые подробно изложил уже после выборов в памфлете «Третий путь: новая политика для нового столетия»²⁸, основные положения которого были опубликованы в газете «Индепендент» 21 сентября 1998 г. в день встречи Т. Блэра с Б. Клинтоном на семинаре в Нью-Йор-

²⁸ «The Third Way: New Politics for the New Century» by Tony Blair, published by the Fabian Society, 1998, Newspaper Publishing PLC.

ке, посвящённом «третьему пути» в мировой политике. Блэр подчёркивал решающую роль идей в политике, упрекая правое крыло Лейбористской партии за «игнорирование мира идей». Предупреждая упрёки в эклектичности и несовместимости провозглашённых целей, в беспринципности ввиду «фиксированного характера ценностей и целей при прагматизме в выборе средств» Блэр утверждал, что «ценности не носят абсолютного характера, и даже лучшие из них могут противоречить друг другу». Придать целям практический смысл может прагматизм: «третий путь» – это «всё то, что работает»²⁹. Подход «новых лейбористов», по Блэру, – это «перманентный ревизионизм».

В Британии особенно была очевидна связь с философскими положениями постмодернизма через труды ближайшего советника Т. Блэра – Э. Гидденса³⁰, а их переложение для системы международных отношений – в работах Р. Купера.

Концепция Гидденса стала программой социального действия, опираясь на послышки о незавершённости, открытости общественных процессов и невозможности разработать некую идеологию как проект общества будущего.

Современность (Modernity), как социальная система, возникшая вместе с национальным государством и капиталистическим производством (индустриальное общество переживает период *радикализации*, стадию *изменения предпосылок своего изменения*, сопровождающуюся рисками глобального характера. К факторам радикализации Современности относятся: во-первых, растущая социологизация жизни, повышение значения рефлексии и саморефлексии, изменение системы ценностей, их переориентация с материальных объектов на нематериальные сущности, что подрывает устои традиционного капиталистического общества; во-вторых, таким фактором стала глобализация.

Самую сердцевину его исследований, как, пожалуй, всей его социальной, а также политической философии, составляет постулат о том, что люди подвергают оценке и переоценке прави-

²⁹ «The Economist», 19.12.1998.

³⁰ Giddens A. *Brave New World: the New Contest of Politics*. – Miliband D. (ed). *Reinventing the Left*. Cambridge. 1995; Giddens A. *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge. 2000; Giddens A. (ed.) *The Global Third Way Debate*. Cambridge. 2001.

ла социального поведения, при том, что все формы общественной жизни частично конституирует само знание о них действующих лиц. Современность, утверждает Гидденс, глубоко и по существу социологична. Соответственно, социология представляет собой более высокий уровень теоретического мышления, чем политическая теория.

В русле концепции власти М. Фуко Гидденс писал, что феномен власти не ограничен сферой политического, но внутренне присущ всем формам социальной жизни. Отсюда, концентрация власти или попытки господствовать над обществом из одного центра ошибочны с онтологической точки зрения.

Гидденс даёт новое определение равенства, или «равного достоинства индивидов» (equal worth), в терминах социальной включённости и исключённости. Равенство трактуется как включённость (и высших, и низших слоёв) в общество, а неравенство – как препятствие для социальной гармонии. Понятие включённости распространяется на все сферы социальной жизни – трудовую деятельность, политическое участие, образование, пенсионное обеспечение, культуру в целом. Повторим, оно обосновано не с этической точки зрения, а социологическим анализом состояния общества: включённость – единственный способ обеспечить безопасность людей в обществе риска.

Понятие радикального центра («радикального» и «центра») по Гидденсу, может показаться соединением взаимоисключающих понятий (*оксюмором*), только если не видеть неклассовых по своему характеру проблем и считать, будто все достойные внимания идеи и политические программы по-прежнему создают левые и правые. Отсюда Гидденс выводит необходимость создать теорию социальной справедливости и индивидуализма в контексте глобального рыночного общества.

Гидденс и другие разработчики концепции «третьего пути» также были ориентированы на прагматизм, поэтому вокруг «мозговых центров» лейбористов (Фабианского общества, «Демоса»), Института общественно-политических исследований (Institute of Public Policy Research) группировались исследователи самых разных теоретических направлений и политических убеждений (вплоть до Р. Скратона, теоретика «новых правых»).

Утвердившаяся в качестве официальной идеологии «новых лейбористов» и «новых демократов» Клинтона, концепция «третьего пути» вызывала значительный интерес не только по этой причине, но ещё и потому, что претендовала на статус идеологии всех левоцентристских сил³¹. Достаточно вспомнить довольно жёсткую полемику Блэра – и поддержавшего его тогда Г. Шрёдера – с традиционными социал-демократами в Социнтерне, развернувшуюся в 1999 г. по поводу их совместного манифеста «Третий путь/Новый центр», как об этом писал в своей книге Ал. Громько³². Примечательно, что после жёсткой конфронтации Социнтерн в конце концов признал манифест «вкладом в развитие идей социал-демократии».

Из всех посылов постмодернизма следовало: гетерогенность общественных отношений означает невозможность политического единства класса, из чего была выведена необходимость выйти за рамки ориентации на рабочий класс в политике. Борьба за социализм должна уступить место борьбе за демократию, то есть быть не борьбой рабочего класса против буржуазии, а широкого демократического союза народа против государства, безотносительно к экономическим интересам входящих в него классов и слоёв, борьбой управляемых против управляющих. Отсюда, множественность субъектов исторических изменений – фрагментация и автономия широкого спектра однопроблемных движений (антивоенного, экологического, феминистского, антирасистского и др.) как политическая формула получила признание. Отметим мысль британского левого философа Р. Уильямса о том, что «социальная дистанция», «пространство приемлемого [в глазах правящего класса] отклонения от общепринятых взглядов» может быть позволительна для массовых общественных движений до тех пор, пока они сохраняют дистанцию от основ системы производственных отношений. Именно этим, считал Р. Уильямс, объясняется активное присутствие этих дви-

³¹ Ананьева Е.В. Тенденции политического развития ведущих стран Запада. М. 2000; Загладин Н.В. Демократическая партия США: от либерализма к идеологии «третьего пути». МЭиМО, 2000. №7; Перегудов С.П. Западная социал-демократия на рубеже веков. МЭиМО, 2000. №№ 6, 7.

³² Громько Ал.А. Политический реформизм в Великобритании (1970–1990-е годы). М., XXI век – Согласие, 2001. 268 с.

жений во всех сферах общественной жизни, кроме экономики³³. Безусловно, социальная структура общества в развитых странах Запада изменилась, и до $\frac{3}{4}$ работников в них занято в сфере услуг. Однако факт остаётся фактом – «дистанция от основ системы производственных отношений».

БРЕКЗИТ-1: РЕФЕРЕНДУМ О ЧЛЕНСТВЕ БРИТАНИИ В ЕС

«Мне никогда не могло прийти в голову, что популизм нанесёт поражение капитализму в стране его происхождения. Учитывая экзистенциальную значимость банковского сектора для Великобритании и власть СМИ, а также влияние лондонского Сити, казалось невероятным, что проблема идентичности превзойдёт интересы»³⁴

Ю. Хабермас

Настроения евроскептицизма в Британии нарастали давно, но сказать, что британцы ясно представляли себе истинные отношения Соединённого Королевства с ЕС, нельзя³⁵. Острые разногласия по европейской интеграции в Консервативной партии в своё время послужили одной из основных причин отставки М. Тэтчер с поста лидера партии и соответственно премьер-министра (1990 г.). Тори, проиграв выборы 1997 г., длительное время не могли прийти к единому мнению относительно ЕС, что, среди прочих причин, не позволяло им вернуться к власти в стране. Лишь с приходом к руководству Д. Кэмерона тори смо-

³³ Williams R. towards 2000. L., 1983. P. 268, 171, 172.

³⁴ Habermas J. Core Europe to The Rescue: A Conversation With Jürgen Habermas About Brexit And The EU Crisis. Social Europe. 12 July 2016. URL: <https://www.socialeurope.eu/2016/07/core-europe-to-the-rescue/>.

³⁵ Подробнее о внутри- и внешнеполитических последствиях Брекзита см.: «Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия. Ч. I». Доклады Института Европы РАН, № 330, М., ИЕ РАН, 2016. 74 с. Под ред. Е.В. Ананьевой (отв. ред), А.В. Бударгина; «Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия. Ч. II». Доклады Института Европы РАН, № 331, М., ИЕ РАН, 2016. 90 с. Под ред. Е.В. Ананьевой (отв. ред), А.В. Бударгина; Ананьева Е.В. Брекзит: голосовали сердцем. Международная жизнь. 2016. № 7. С. 47-61.

гли приглушить внутривнутрипартийные распри по этому вопросу. Однако подспудно раздор не утихал. Между тем, нарастало влияние ПНСК при лидере Н. Фарадже. Эта партия аккумулировала недовольство уровнем иммиграции и с самого начала выступала за верховенство национального парламента, что и следовало из самого её названия – Партия независимости Соединённого Королевства. Однако мажоритарная избирательная система не позволяла ей войти в парламент. Отметим, что ПНСК последовательно наращивала политический вес на выборах по пропорциональной системе (в Европарламент) и даже в Вестминстер. Последнее особенно симптоматично, что при мажоритарной системе распространено так называемое тактическое голосование (избиратели голосуют не за «свою» партию, а за партию, которая наиболее близка избирателю своей политической платформой и имеет шансы выиграть). Таким образом, можно предположить, что влияние ПНСК намного выше доли её голосов на выборах (на выборах 2015 г. она получила свыше 12% голосов избирателей и лишь 1 место в парламенте). Отсюда понятны результаты референдума по членству Британии в ЕС (июль 2016 г.) по системе простого большинства: недовольство нашло выход при появившейся возможности.

В целом людей больше волновали внутренние проблемы (иммиграция – 88% и суверенитет – 90%, существенно меньше экономика – 15%), нежели взаимоотношения Британии с ЕС. Четыре фактора обеспечили перевес на чаше весов. Во-первых, абсентеизм среди сторонников ЕС был выше, чем среди его противников (19:11), во-вторых, голосовали даже те, кто не участвовал в парламентских выборах 2015 г.; в-третьих, ответственности были ясны последствия выхода страны из ЕС для уровня иммиграции и суверенитета страны, но не воздействие Брекзита на экономику и на их личное материальное положение; в-четвёртых, они не столько придерживались позиции «своей» партии, сколько газеты, которую читают. Разделение на правых-левых не столь влияло на позицию по ЕС, сколько по социальным вопросам. «Новые избиратели» – это те, кто не голосовал на выборах 2015 г., но пришёл на референдум: 94% из голосовавших на выборах приняли участие в референдуме, но

половина абсентеистов участвовала в референдуме (54%). Явка среди старшего поколения и сторонников Брекзита была выше, чем среди молодёжи и сторонников членства Британии в ЕС. 58% «брекзитёров» считали, что политики к ним «не прислушиваются». Три группы поддержали выход Британии из ЕС: экономически уязвимые, настроенные против иммиграции (12% населения, 95% за Брекзит, среди них лица с доходом ниже 1000 ф. ст. в месяц составляли 66%), экономически благополучные евроскептики (23% населения, 75% за Брекзит), старшее поколение из рабочего класса (23% населения, 75% за Брекзит). Таким образом, сложилась довольно широкая коалиция. В неё вошла треть чернокожих и азиатского происхождения участников референдума. Таковы объективные характеристики «брекзитёров».

Субъективные характеристики: 60-70% еле сводят концы с концами; считающие, что положение Британии в последние 10 лет ухудшилось – 73%, относят себя к рабочему классу – 59%, своё положение считают худшим по сравнению с другими 76%, считают себя скорее англичанами, чем британцами (62-74%), читатели «Сан» и «Экспресс» – 70%, «Телеграф» – 55%. Причём половина считающих своё положение удовлетворительным – около 50%, средний класс – 40%³⁶.

Ощущение разделения общества на классы не исчезло: 8 из 10 считают, что социальные различия велики, что возможности для социальной мобильности снизились. Британцы сочувственно относятся к инвалидам и одиноким родителям, но не к бездетным незанятым. Увеличился разрыв в оценке работы между малоквалифицированными и высококвалифицированными работниками³⁷.

7 лет «жёсткой экономии» после финансово-экономического кризиса 2008 г. (повышение налогов и сокращение социальных расходов, снижение жизненного уровня и стагнирующие зарплаты) изменили предпочтения британцев. Прежде всего, в результате политики коалиционного правительства в среднем домохо-

³⁶ Swales R. Understanding the Leave Vote: What Tipped The Balance? 7 December 2016. URL: http://whatukthinks.org/eu/wp-content/uploads/2016/12/NatCen_Brexplanations-report-FINAL-WEB2.pdf.

³⁷ British Social Attitudes. URL: <http://bsa.natcen.ac.uk/latest-report/british-social-attitudes-33/introduction.aspx>.

зьяства потеряли с мая 2010 по май 2015 г. 1127 ф.ст., причём труднее всего пришлось семьям с детьми³⁸. Многие из тех, кто голосовал за Брекзит, не столько негативно оценивали ЕС, сколько негативно воспринимали падение своего относительного дохода и осознания, что их дети будут жить хуже, чем они. На следующий день после референдума самым частым вопросом на Google был «Что такое ЕС?». Это относится и к тем в стране, для кого экономический рост в Британии – пустой звук (к безработным, к лишённым пособий, к работающим по договорам с нулевым временем [zero-hours contracts]), и к тем в США, кто живёт в «Ржавом поясе» и не получил выгод от глобализации³⁹.

Замечание Ю. Хабермаса верно в том отношении, что большой бизнес активно участвовал в кампании: более 50% пожертвований на кампанию перед референдумом поступило от 10 богатых спонсоров (6 из которых поддерживали Брекзит), а 95% – от 100 спонсоров. Данные обнародовала организация «Transparency International UK». Как сказал её директор Д. Хеймс, «дебаты вокруг важнейшего вопроса за поколение финансировала кучка невероятно богатых спонсоров, что опасно для любой демократии. Это свидетельствует об общей зависимости политических партий страны от клуба миллионеров в 50 человек», а 76% респондентов считают, что богачи пользуются влиянием на правительство в своих интересах⁴⁰. Только в голосовании

³⁸ Browne J. and Elming W. The Effect of the Coalition's Tax and Benefit Changes on Household Incomes and Work Incentives. The Institute for Fiscal Studies, January 2015 ISBN: 978-1-909463-73-8. URL: <http://www.ifs.org.uk/uploads/publications/bns/BN159.pdf>.

³⁹ Wade R. Income Distribution and the UK Referendum Result. URL: <http://www.globalpolicyjournal.com/blog/29/06/2016/income-distribution-and-uk-referendum-result>. 29th June 2016; См. также: Milanovic B., *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*, 2016; Curtice, J. (2016), *The Two Poles of the Referendum Debate: Immigration and the Economy*, London: NatCen Social Research. URL: <http://whatukthinks.org/eu/analysis/the-two-poles-of-the-referendum-debate-immigration-and-the-economy/>; Curtice, J. and Evans, G. (2015), «Britain and Europe: Are we all Eurosceptics now?», in Curtice, J. and Ormston, R. (eds), *British Social Attitudes: the 32nd report*, London: NatCen Social Research. URL: <http://www.bsa.natcen.ac.uk/latest-report/british-social-attitudes-32/europe.aspx>.

⁴⁰ Take Back Control: How big money undermines trust in politics. URL: <http://www.transparency.org.uk/publications/take-back-control/>; Lusher A. More than half of donations to EU referendum campaigns came from just ten wealthy donors.

участвовали в подавляющем большинстве рядовые граждане.

Таким образом, интересы Сити, функционализм, «всё, что работает» – по Т. Блэру – споткнулось об идентичность: свобода передвижения, услуг и товаров – экономические, функциональные показатели не смогли перевесить те, что имеют двойственную природу, будучи и экономическими, и эмоциональными и социальными – свобода передвижения рабочей силы под вывеской свободы передвижения людей.

Журналист и писатель Д. Гудхарт, относивший себя к либералам, возлагает вину за Брекзит именно на них, упрекая образованных и благополучных в том, что они «игнорировали» проблему массовой иммиграции. С его точки зрения, нельзя навешивать ярлык расиста тому, кто «чувствует себя в своей тарелке среди таких же людей». Он усматривает новое разделение британского общества на два соперничающих блока ценностей: «вездешних» и «здешних» (the Anywheres versus the Somewheres). «Вездешние» – образованы и мобильны, ценят самостоятельность, открытость и гибкость, видят мир отовсюду. «Здешние» укоренены и мало образованы, ценят принадлежность к группе, семью и безопасность, видят мир с конкретной точки. «Вездешних» менее четверти населения, но именно они господствуют в политике и обществе, независимо от партии у власти⁴¹. «Здешних» либералы называли ксенофобами за то, что они не принимали стремительное изменение этнического состава населения страны. Однако Д. Гудхарт не считает шовинистом человека, который ценит свою национальную идентичность: «Мы, «вездешние» правили в собственных интересах и считали его национальным интересом, но 23 июня «здешние» сказали «хватит». Настало время нового устройства британской политики»⁴².

The Independent. 16.10.2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-eu-referendum-donations-ten-wealthy-political-donors-make-up-half-vote-leave-remain-nigel-a7348321.html>.

⁴¹ О формировании единого политического класса, в котором объединены корпоративные интересы представителей разных партий см.: Osborne P. The Triumph of the Political Class. L-NY. 2008. Pocket Books.

⁴² Campbell Ch. Brexit is HAPPENING because lefties put self regard ABOVE national interest, blasts author. URL: http://www.express.co.uk/news/uk/779856/Brexit-due-to-lefties-self-regard-says-author-David-Goodhart?utm_source=traffic.outbrain&utm_medium=traffic.outbrain&utm_term=traffic.outbrain&utm_content

Отметим, что Т. Мэй, перед референдумом неохотно высказавшись за членство Британии в ЕС, поспешила отметить после него на ежегодной конференции партии, что «гражданин мира – гражданин нигде» («If you are a citizen of the world, then you are a citizen of nowhere»). Либеральная газета «Гардиан» поместила её слова под заголовком «Тереза Мэй отвергает ценности Просвещения», а журнал «Спектейтор» ответил ей заголовком: «Тереза Мэй, если Вы – христианка, то Вы – гражданин мира»⁴³.

Если отбросить эмоции, то миллионы избирателей из рабочего класса – жертвы глобализации, жёсткой экономии и экономического неравенства пришли на референдум, «чтобы «поставить фонарь» политической элите, и евроскептицизм с латентным расизмом оказались ни при чём»⁴⁴.

Брекзит стал симптомом протеста против правящего политического класса, против неразличимости политических партий. Так, в Британии, например, на последних парламентских выборах 2015 г. тори утверждали, что они – «партия трудящихся», а лейбористы, что они – партия «фискальной ответственности». На краях политического спектра возникли партии, движения и объединения, выражающие интересы социальных групп, которые основные партии исключили из своей повестки дня. Однако речь идёт не только, например, о ПНСК с её харизматичным бывшим лидером Н. Фараджем (другом Д. Трампа, который со дня избрания и до инаугурации встречался с ним три раза). Протестные настроения вылились и в кризис Лейбористской партии, лидером которой был дважды (в 2015 и 2016 гг.) избран приверженец «твёрдых левых» взглядов Дж. Корбин, вопреки правому крылу, пытавшемуся его сместить⁴⁵. В лично-

=traffic.outbrain&utm_campaign=traffic.outbrain.

⁴³ Theresa May's rejection of Enlightenment values. The Guardian. 09.10.2016. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/oct/09/theresa-may-rejection-of-enlightenment-values>; <http://www.spectator.co.uk/2016/10/if-youre-a-christian-theresa-may-youre-a-citizen-of-the-world/>.

⁴⁴ Lambert S. Why Labour must listen to Jon Cruddas and use our patriotism to see off UKIP's threat to our working class vote. LabourList. URL: <http://labourlist.org/2017/02/why-labour-must-listen-to-jon-cruddas-and-use-our-patriotism-to-see-off-ukips-threat-to-our-working-class-vote/>. 10.02.2017.

⁴⁵ Подробнее см. Аняева Е. Исчезающий центр. Международная жизнь. 2016. № 10. С. 79-92.

стях Н. Фараджа и Дж. Корбина их сторонники увидели возможность реализовать свой запрос на искренность и открытость в политике, на то, чтобы называть вещи своими именами. Согласимся с К.Г. Холодковским, который отмечал, что «вмешательство рядовых граждан, пусть в парадоксальных формах, подобных истории с брекситом [так у автора – Е.А.], всё же должно сыграть не только негативную, но и позитивную роль – выправления промахов профессиональных политиков и извлечения из этого опыта серьезных уроков»⁴⁶.

3. БРЕКЗИТ-2: ПОБЕДА ТРАМПА – БРЕКЗИТ ПО-АМЕРИКАНСКИ

...демократия не означает, что страной правит народ; она означает лишь что и власть, и право вето принадлежат теперь не королям и не демагогам как таковым, а просто всякому, у кого хватит ума захватить то и другое в свои руки).

*Джордж Бернард Шоу.
«Тележка с яблоками». 1930.*

Разнонаправленная динамика американской политической системы

Выборы 45-го президента США завершились победой, которую никто не ждал. Главой страны стал 70-летний миллиардер Дональд Трамп. Он не имеет опыта политической и государственной деятельности, его изначально не поддерживали ни истеблишмент, ни собственная Республиканская партия. Американская и мировая пресса предпочитали не воспринимать его набирающую обороты кампанию всерьёз, намекая на то, что он специально использует яркую и радикальную риторику, чтобы привлечь к себе внимание, что его участие в президентской гонке – один большой рекламный проект, направленный на реализацию собственных бизнес-интересов. Однако успех Трампа ни в коем случае не был случайностью или продуктом стечения об-

⁴⁶ Холодковский К.Г. Прецедент Брексита: проблемы выхода Великобритании из Европейского союза». В: Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и России. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. С. 61-68.

стоятельств: он отразил состояние американского общества, политической системы и глобальных тенденций.

Успеху кампании Трампа есть сиюминутные объяснения, однако его победа вписывается в более длительный процесс трансформации американского государства и партийной системы. Эти изменения естественным образом связаны с природой американской демократии и ряда её дисфункций, которые постепенно проявлялись в течение последних 40 лет и стали очевидными в XXI в. Нельзя забывать, что мы говорим не просто о классической, но и одной из самых сложноустроенных демократических систем в мире, которая трансформировалась по мере прохождения определённых реперных точек в истории. Такими были война за независимость, рождение джефферсоновской и джексоновской демократий, Гражданская война, «Новый курс» Рузвельта, Вторая мировая война, борьба за гражданские права 1960-х гг. и т.д. Однако одно звено в этой системе всегда оставалось неизменным – выборы президента, призванные отразить не только мнение граждан, но и отдельных штатов, благодаря чему должен достигаться баланс между общественными и региональными интересами. Механизм выдвижения и выборов кандидатов в президенты часто критиковали как недемократичный, однако он воплощал американский федерализм и систему сдержек и противовесов, в рамках которой наделённая весьма широкими полномочиями президентская власть находится под контролем со стороны судебной ветви и Конгресса. Последний также представляет как региональные интересы (округов и штатов), так и общенациональные.

Сегодня дилемма американской государственности заключается не столько в общих принципах политического устройства, сколько в том, что ставится под сомнение весь сложившийся механизм репрезентации и, возможно, система вступает в очередной эпохальный период трансформаций, исход которых пока неочевиден. Мы можем лишь пытаться анализировать их причины, и с осторожностью говорить о возможных последствиях, хотя обобщающие оценки им смогут дать только историки. Произошедший разлом на последних выборах стал результатом неспособности государства справиться, в первую очередь,

с внутренними политическими проблемами. Снижение роли партий, разобщённость в Конгрессе и чрезмерное влияние частных интересов на процесс принятия решений, набрав критическую массу, в конечном счёте, парализовали некогда эффективную систему и привели к снижению легитимности всей властной иерархии.

Известный американский политолог Фарид Закария в своей книге «Будущее свободы: нелиберальные демократии в США и за их пределами» ещё в 2003 г. написал о том, партии перестали играть ключевую роль в американской политике. С 1970-х гг. они стали столь открытыми и децентрализованными, что стали с трудом поддаваться внутреннему и внешнему контролю. Роль партийной бюрократии, партийных лидеров, волонтеров, молодёжных отделений постепенно снижалась, при этом партии становились всё более могущественными с финансовой точки зрения – они научились аккумулировать значительные средства на проведение избирательных кампаний⁴⁷.

Как ни странно, но одна из причин снижения эффективности американской партийной системы кроется в её чрезмерной демократичности. Главным организационным решением, которое принимают партии в США – это выдвижение делегатов, которые поддерживают тех или иных кандидатов. На протяжении всего XX в. шла острая дискуссия о том, кто должен играть большую роль в выдвижении кандидатов – партийное руководство (кокусы), либо граждане. Несмотря на то, что прямые первичные выборы – праймериз – постепенно распространились между 1912 и 1968 гг., они не играли решающей роли в выдвижении кандидатов. Однако тектонические сдвиги в американском государстве в 1960–1970-е гг., спровоцированные массовыми движениями против войны во Вьетнаме, разочарованностью уотергейтским скандалом, борьбой за гражданские права, привели к тому, что партии взяли курс на большую открытость перед обществом. Это означало, в частности, что центр тяжести в процессе отбора кандидатов полностью переместился к прямым первичным выборам. Таким образом, партии показывали,

⁴⁷ Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y., London. 2003.

что они отходят от старых элитарных принципов, где все ключевые решения принимали боссы, лидеры профсоюзов, партийные нотабли, и движутся в сторону полной подотчётности обществу. Отныне партии были готовы прислушиваться к простым гражданам, каждый из которых получил право решать главный политический вопрос в стране – кто будет кандидатом в президенты от одной из двух партий. В результате, между 1968 и 1980 гг. подавляющее большинство кандидатов уже выдвигали обычные избиратели, и ныне подобная процедура стала нормой.

Такой подход к выборам действительно сделал механизм представительства более открытым, но он поднял вопрос о том, в какой степени избиратели на праймериз отражают мнение не только общества, но и самой партии. С 1980 г. в праймериз принимало участие от 14,7% (в 2004 г.) до 30,4% (в 2008 г.) от общей численности зарегистрированных избирателей⁴⁸. На последних выборах явка на праймериз была одной из самых высоких – 28,5%, хотя, в любом случае, этот показатель не нарушил общую динамику – в первичных выборах принимает участие не более четверти американцев, имеющих на это право. Как следствие, в праймериз участвуют наиболее активные граждане, чьё мнение часто расходится с мнением большинства сторонников партии. Например, в 2000 г. лишь 10% делегатов Республиканской партии считали, что бюджетный профицит надо использовать для сохранения федеральных программ медицинского и социального обеспечения, хотя аналогичного мнения придерживались 46% от общей численности республиканских избирателей⁴⁹. Такие расколы стали естественным явлением для праймериз обеих партий, однако для республиканцев в последние 16 лет оно стало более очевидным – на каждом праймериз выявляется несовпадение позиций между делегатами и массовыми избирателями по значительному количеству ключевых вопросов, связанных в том числе и самыми болезненными – бюджетные

⁴⁸ Desilver D. Turnout was high in the 2016 primary season, but just short of 2008 record. Pew Research Center. 10.06.2016. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/06/10/turnout-was-high-in-the-2016-primary-season-but-just-short-of-2008-record/>

⁴⁹ Clymer A., Connelly M. Poll Finds Delegates to the Left of Both Public and Party. The New York Times. 14.08.2000.

расходы, здравоохранение, образование. Более того, праймериз допускают серьёзную конкуренцию между делегатами за право повлиять на выдвижение кандидатов. В итоге, кандидаты всё в меньшей степени представляют обычно умеренную политику своих официальных представителей в Конгрессе и всё чаще отражают мнение отдельных групп активистов, которые, в конечном счёте, имеют возможность оказывать большее влияние на общественное мнение, чем истеблишмент.

В общей сложности, Дональда Трампа и Хиллари Клинтон выдвинули в качестве кандидатов в президенты лишь 9% американских избирателей. Соответственно, предвыборная борьба как с одной, так и с другой стороны шла за голоса трёх категорий людей: голосовавших за других кандидатов на праймериз; не голосовавших на праймериз; за пассивное большинство, которое в принципе не собиралось участвовать в выборах. Три данные концентрические окружности, в конечном счёте, включают весь электорат, однако очевидно, что определяющим оказывается относительно небольшое ядро делегатов, которые имеют все формальные основания проигнорировать мнение партий и большинства граждан, выдвинув практически любого кандидата.

До феномена Трампа казалось, что делегаты не смогут настолько кардинально пойти против мнения партийных боссов, истеблишмента и общественного мнения. Однако они не просто это сделали, но смогли переломить общественное мнение, которое в итоге склонилось в сторону Трампа. Если присмотреться ещё ближе, увидим, что Трамп даже не набрал большинства голосов во время первичных выборов в абсолютных цифрах. Всего в праймериз приняло участие 29 986 972 избирателей, из них за Трампа отдали свои голоса 13 333 924, а за остальных кандидатов – 16 653 048 человек. Однако проблема для республиканцев состояла не столько в статистических парадоксах, сколько в том, что в последние годы партия невероятно разобщена, следствием чего стало выдвижение 17 номинантов в кандидаты.

Внутри- и межпартийные разногласия также стали одной из причин успеха нынешней революции против истеблишмента, который оказался не в состоянии справиться с внутренними конфликтами и противоречиями. Тенденции к расхождению по-

зиций между демократами и республиканцами, а также к многочисленным внутривнутрипартийным расколам появились не сегодня: они постепенно набирали силу внутри политической системы, пока, под влиянием ряда факторов, не обрушили незыблемый, казалось, баланс сил. В известной работе о партийной приверженности членов Палаты представителей коллектив авторов во главе с Клио Андрис наглядно показал, каким образом происходил экспоненциальный рост несогласия между демократами и республиканцами в течение последних 60 лет. Начиная с 1980-х гг., в Конгрессе стала очевидна тенденция к тому, что обе фракции всё реже соглашаются друг с другом по вопросам принятия законов. Если для 1950–70-х гг. была характерна консенсусная модель принятия решений, то в 1980–1990-е гг., а ещё более очевидно в 2000–2010-е гг. на её место приходит модель рассогласованности. Иными словами, если раньше вероятность того, что демократы и республиканцы поддержат законопроект была крайне высока, сегодня она не просто низка, но стремится к нулю. С этим связаны все бюджетные кризисы последних лет, неспособность 44-го президента США Барака Обамы преодолеть республиканское мнение в Конгрессе по большинству внесённых им законопроектов, неустойчивая позиция США по вопросам войны и мира и т.д.

Причины, по которым произошло столь сильное расслоение в американской партийной системе, не поддаются простым трактовкам. Однако есть основания считать, что такие внутренние фракции как «Движение чаепития» или южные демократы (Southern Democrats) стали не причиной, а скорее следствием растущего разобщения. Иными словами, неспособность республиканцев и демократов договориться друг с другом по ключевым вопросам рождает естественную реакцию отдельных группировок внутри партий и их стремление консолидироваться в обход устоявшихся партийных традиций и процедур. Подобная дисфункциональность представительной ветви власти привела и к другому парадоксу – избиратели, особенно последние два десятилетия, выбирают и, что ещё более важно, переизбирают конгрессменов, которым в итоге не доверяют. Конгрессу сегодня доверяет в среднем не более 5-7% американских граждан в срав-

нении с 42% в 1973 г.⁵⁰. Отчасти это происходит вследствие желания простых американцев добиться перемен, поэтому они готовы голосовать за кандидатов, которые выступают со смелыми и несистемными предложениями, однако оказываются не в состоянии их реализовать в законодательной борьбе внутри Конгресса.

Существует и другое объяснение – возможно, речь идёт не столько о межпартийной разобщённости, сколько об индивидуализации политики, когда каждый кандидат со своими верными последователями считает, что его уникальная программа лучше других, однако он не может реализовать свои намерения, так как встречает сопротивление в Конгрессе. В этом смысле, Трамп представляет собой классического индивидуализированного политического деятеля. Разница лишь в том, что эта тенденция с уровня Конгресса перешла на высший уровень власти. Индивидуализация особенно ярко проявилась во время республиканских первичных выборов: успех Трампа стал возможен исключительно благодаря неспособности отдельных кандидатов выработать единую предвыборную платформу и хотя бы частично объединиться. Трамп шёл через праймериз, встречая на своём пути таких же индивидуализированных политиков со своими делегатами-последователями. Трампу не понадобилось изначально иметь большое количество последователей, потому что он умело переводил на свою сторону небольшие горстки делегатов от каждого кандидата, которых он в самом конце смог консолидировать вокруг своей программы.

Дисфункции американской демократии связаны с ещё одной важнейшей трансформацией политической системы – ростом количества групп интересов и развитием лоббистских отношений. Сам по себе лоббизм – естественное явление любых демократических систем, так как везде есть группы интересов, которые взаимодействуют с органами политической власти. Однако для современных Соединённых Штатов лоббизм – это не просто часть политического ландшафта, а отдельная индустрия, построенная бизнесом, профессиональными ассоциациями, консал-

⁵⁰ Confidence in Institutions. Gallup. URL: <http://www.gallup.com/poll/1597/confidence-institutions.aspx>.

тинговыми компаниями, НКО, бывшими политиками, чтобы влиять на процесс принятия решений. Ещё в начале 1980-х гг. лоббизм казался корпоративному миру чем-то диковинным, и лишь малая часть бизнес-сообщества понимала, как устроен Вашингтон. Сегодня, согласно агентству McKinsey, связи с органами власти обеспечивают до 30% прибыли индустриальным компаниям и до 50% – банковскому сектору⁵¹. Вместе с тем лоббизм не оспаривает демократичность политики, напротив, он ей присущ, так как предоставляет каждому желающему возможность поучаствовать в принятии, реализации или изменении решений. Однако, по словам американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, именно «увеличение количества групп интересов и лоббистов исказило демократический процесс в США и уменьшило эффективность государственной власти»⁵². Проблема оказалась заключена не в самом лоббизме, а в том, что логика экономической конкуренции, которая во многом стоит за групповыми интересами, в корне изменила механизм политической борьбы на Капитолийском холме и даже в Белом доме. Сегодня вокруг решений и блоков решений в Вашингтоне выстраиваются сложные по своей структуре коалиции, которые далеко не всегда отражают интересы широких слоев населения. Неудивительно, что кандидаты от республиканцев Джеб Буш и Марко Рубио, которые больше всех остальных опирались на пожертвования со стороны крупных лоббистов и считались предпочтительным для истеблишмента, в итоге проиграли праймериз Трампу. Между тем Д. Трамп почти исключительно опирался на собственные фонды и, напротив, противопоставлял себя крупному бизнесу и влиятельным вашингтонским лоббистам⁵³.

⁵¹ Musters R., Parekh E.-J., Ramkumar S. Organizing the Government-affairs Function for Impact. McKinsey Quarterly. November 2013. URL: <http://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/organizing-the-government-affairs-function-for-impact>.

⁵² Fukuyama F. The Decay of American Political Institutions. The American Interest. 2013. Vol. 9, № 3. URL: <http://www.the-american-interest.com/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/>

⁵³ Beckel M. Lobbyists' preferred candidate in GOP presidential race – Marco Rubio. The Center for Public Integrity. 14.03.2016. URL: <https://www.publicintegrity.org/2016/03/14/19410/lobbyists-preferred-candidate-gop-presidential-race-marco-rubio>.

В конечном счёте, сочетание идеологической разъединённости, сбоев в системе сдержек и противовесов и бесконтрольного роста влияния групп интересов привело к тому, что Фукуяма назвал ветократией – властью, которая осуществляется посредством несогласия и постоянных взаимных запретов. Дух ветократии распространился во всех ветвях власти, между партиями и внутри партий, между группами интересов, которые ведут друг с другом конкурентную борьбу за право доступа к центрам принятия решений. Возможно, позицию Фукуямы можно было бы назвать слишком резкой, однако успех Трампа и номинанта в кандидаты от Демократической партии Берни Сандерса говорит о том, что в обществе возник запрос на чёткие, волевые решения в ответ на возникшую политическую стагнацию.

Таким образом, череда разнонаправленных тенденций, которые с течением времени прогрессировали в американской политической системе, объясняют, почему стал возможен феномен Трампа. Однако за скобками остался вопрос о том, какова была непосредственно электоральная составляющая его успеха. Поразительное чутьё Трампа заключается в том, что он заполнил электоральный вакуум, о существовании которого Республиканская партия практически забыла, либо не хотела о нём говорить. Он увидел не просто новые электоральные группы и скрытые настроения, но и то, как ими воспользоваться в условиях первичных выборах и хаоса партийной системы.

Электоральные сдвиги в американском обществе

Ценности – важнейшая составляющая американской политики. Несмотря на то, что существуют такие универсальные категории как «американские ценности», «демократические ценности», «либеральные ценности» и т.п., американское общество представляет собой пеструю социальную картину. Это пространство, в котором сосуществует множество абсолютно разных групп с различными культурами, наборами ценностей и нормами поведения. Данные группы образуют и электоральные расколы, которые определяют идеологическое содержание американской политики. Многоуровневая система американской власти призвана сочетать как электоральное разнообразие, так и обобщённые ценности, и интересы большинства граждан.

Республиканская и Демократическая партии воплощают сложносоставные идеологические наборы, из которых представители различных групп могут выбирать те, которые ближе не просто их рациональным интересам, но мировоззрению. Именно так в США исторически формировались партийные пристрастия, которые определяли не только границу между республиканцами и демократами, но и менее заметные границы внутри партий. В прошлом эти границы носили скорее условный характер, так как истеблишмент всегда старался сохранять центристский либеральный консенсус, допуская внутри него множественные вариации. Особенностью последних лет стало то, что идеологические границы между партиями и внутри партий перестали быть условными и привели к очевидному размежеванию как различных электоральных групп, так и партийных фракций.

Причиной стало усиление наиболее консервативных групп внутри Республиканской партии и наиболее либеральных в Демократической, что нарушило более чем 20-летний консенсус между двумя идеологическими столпами США. Этот консенсус во многом сформировал Рональд Рейган – весьма консервативный, правый государственный деятель и президент США, который сумел объединить общественное большинство вокруг идей низких налогов, снижения роли федеральной власти, поддержки внутреннего экономического потенциала и сильной армии (и, как следствие, серьёзных военных расходов). Вместе с тем он не позволил укрепиться наиболее консервативным республиканцам, которым рейгановский либерализм был не до конца понятен. Президентство Рейгана было примечательно ещё и тем, что оно поставило в идеологический тупик демократов, у которых не было столь же успешного набора для большинства американцев. Дело в том, что в тот период Демократическая партия находилась под влиянием так называемого прогрессивного крыла – детища 1970-х гг. – отстаивающего права меньшинств, борьбу за равенство, критику крупного бизнеса и военных операций за рубежом. Однако во времена Рейгана эти идеи оказались невостребованными большинством, потому что американская экономика находилась в турбулентном состоянии,

преступность достигла огромных масштабов, системы здравоохранения и образования нуждались в коренных изменениях.

Либеральный консенсус укрепил Билл Клинтон, который стал первым президентом т.н. «новых демократов» – демократической фракции, которая опиралась на городское население, белых либералов и меньшинства⁵⁴. Президентство Клинтона во многом продолжило экономическую и социальную политику Рейгана. «Новые демократы» эпохи Клинтона по сути принадлежали к традиционным демократам, которые во второй половине XX в. строили свои программы вокруг рациональных экономических и социальных вопросов, но смогли успешно инкорпорировать в свою программу одновременно рейгановский дух экономическом роста и масштабных национальных программ, что определило значительные успехи Соединённых Штатов 1990 – начала 2000-х гг. В конце президентства Клинтона образовались отчётливые электоральные ядра демократов: высший и высший средний класс городов восточного побережья, Новой Англии и Среднего Запада, прогрессивные социальные слои в Калифорнии, связанные преимущественно с высокотехнологичным сектором и индустрией развлечений, представители финансовых групп, этнические меньшинства, мигранты, либеральные женщины и молодёжь.

Устойчивость этой электоральной пирамиды обеспечивалась тем, что демократы смогли привлечь на свою сторону сегмент простых наёмных работников – среднего (middle class) и среднего низшего классов (lower middle class) из провинции. С одной стороны, они не столь быстро интегрировались в глобализирующуюся экономику, потому что им не хватало для этого образования и социального капитала, они не были сторонниками социально-либеральных ценностей и оказывались всё в большей зависимости от государственных программ субсидий и социальной поддержки. Однако многие из них отдавали свои голоса за демократов, потому что они пользовались благами глобальной экономики и устойчивого экономического роста США. Этот рост, в частности, привёл к укреплению банковского сектора,

⁵⁴ Lind M. Obama: Last of the «New Democrats»? Salon. 30.10.2012. URL: http://www.salon.com/2012/10/30/obama_last_of_the_new_democrats/

который смог массового кредитовать население и, таким образом, обеспечивать благополучие значительного количества домохозяйств.

Отсюда, попытки консервативных республиканцев, таких как Ньют Гингрич или Пол Райан, привлечь на свою сторону белую работающую Америку не увенчались успехом в 1990–2000-е гг., потому что демократы, а за ними умеренные республиканцы во главе с 43-м президентом США Джорджем Бушем-мл. предложили модель универсального и постоянно увеличивающегося в размерах общества потребления с растущими доходами и огромным спектром возможностей.

Процесс самоидентификации неглобализированной белой Америки начал происходить позже, когда незыблемый, как казалось, либеральный консенсус эпохи Рейгана, Клинтона, Буша-мл. стал давать многочисленные сбои. Первичным детонатором этого сбоя послужил финансово-экономический кризис 2008 г., который обернулся для США самой продолжительной рецессией для нынешнего поколения американцев работоспособного возраста. Политика Барака Обамы, направленная на защиту одновременно наиболее пострадавшей части корпоративного сектора и наименее обеспеченной части населения, а также ряд системных мер по оздоровлению экономики, принесла позитивные результаты. Тем не менее, ряд глубинных негативных тенденций до сих пор не преодолен.

В частности, официальный уровень безработицы находится в пределах 5%, хотя данный показатель не учитывает значительную долю граждан, которые прекратили поиск работы. По этой причине многие американские экономисты используют индекс участия граждан в рабочей силе, который показывает количество работающих людей, либо активно занимающихся поиском работы. Индекс достиг пика в 2000 г. (67,3%), однако затем постепенно снижался, ускорив падение после кризиса и рецессии; сегодня уровень участия в рабочей силе составляет 62,8% – самый низкий показатель за последние 40 лет⁵⁵. Данной тенден-

⁵⁵ Davidson A. Trump and the truth: the unemployment-rate hoax. The New Yorker. 10.09.2016. URL: <http://www.newyorker.com/news/news-desk/trump-and-the-truth-the-unemployment-rate-hoax>.

ции способствовала не только экономическая турбулентность, но и структура самой глобализированной экономики: вынос производства в развивающиеся страны, роботизация, аутсорсинг, оптимизация персонала и, как следствие, его сокращение. Эти тенденции привели к тому, что многие американцы с недостаточным уровнем квалификации осознали бесперспективность попыток получить работу. Именно они, фактически исключённые из столь быстро изменившейся экономики, составили основу нового депрессивного класса, который рано или поздно должен сыграть свою роль в электоральном пространстве.

Первой политической силой, которая всколыхнула данный электорат, стало «Движение чаепития» – реакционная политическая сила, которая в итоге сыграла примерно такую же роль, как Партия независимости Соединённого Королевства Найджела Фараджа накануне Брекзита. Представители движения начали открыто выступать против демократического и, что ещё важнее, против собственного республиканского истеблишмента, заявляя о глубоком кризисе американской политической и экономической системы. Если ещё 10 лет назад подобные настроения были едва заметны, то в пост-кризисной Америке они нашли широкую поддержку в обществе. «Движение чаепития» не только внесло решающий раскол в ряды Республиканской партии, составив мощную оппозицию основному умеренно-либеральному блоку, но и начало консолидацию новой электоральной общности – преимущественно белых американцев средних лет, недовольных состоянием американской экономики, критикующих чрезмерную социальную нагрузку на государство, резко противопоставляющих себя социально-экономическому либерализму и прогрессизму Обамы. Парадокс заключается в том, что «Движение чаепития», само того не планируя, во многом проложило дорогу Трампу.

Агрессивная риторика кампании Трампа очень точно откликнулась на запрос этой общности, представители которой хотели чётких решений своих проблем. И Трамп предложил им своё видение, не основанное на какой-то конкретной программе, но чётко уловившее общее настроение разочарованности. Летом 2015 г., когда в выдвижение Трампа ещё никто не верил,

серия фокус-групп показала, что Трамп, в отличие от остальных республиканских кандидатов, вызывает у людей невероятно доверительные чувства. По словам одного из журналистов, присутствовавшего на ранней фокус-группе, «было ощущение, что слушаешь больных, которые были недовольны всеми предыдущими врачами, а в Трампе увидели решение всех проблем»⁵⁶.

Однако успех Трампа объясняется не только мобилизацией новых электоральных групп и разобщённостью в Республиканской партии. Не последнюю роль сыграли недалёковидность и провалы предвыборной кампании демократов. В своей нашедшей уже статью в «The New York Times» «Конец либеральной идентичности» Марк Лилла сказал то, о чём уже много раз говорили эксперты: опасно ставить во главу угла либеральные ценности как таковые, не уделяя достаточно внимания рациональным вопросам экономики и увеличения количества рабочих мест⁵⁷. Эту идеологическую ловушку с успехом преодолевали как Билл Клинтон в 1990-е гг., не допустивший чрезмерного влияния крайних либералов на идеологическую платформу партии, так и Барак Обама. И хотя избирательная кампания Обамы 2012 г. больше, чем какая-либо из предыдущих кампаний демократов, была построена вокруг либеральной идентификации, основу его предвыборной программы всё же составляли вопросы восстановления американской индустрии и экономики, наряду с конкретными предложениями по выходу страны из рецессии. В силу этого Обама смог перетянуть на свою сторону голоса многих белых американцев, пострадавших от кризиса и деиндустриализации, которые обеспечили ему победу в промышленных штатах Среднего Запада. Через 4 года эти ключевые, с точки зрения голосов выборщиков, штаты перешли на сторону Трампа.

Образ Соединённых Штатов в кампании Хиллари Клинтон представлялся в виде процветающей, космополитической стра-

⁵⁶ Frizell S. Pollster's Legs Wobble After Fawning Donald Trump Focus Group. The Time. 25.08.2015. URL: <http://time.com/4009413/donald-trump-focus-group-frank-luntz/>

⁵⁷ Lilla M. The End of Identity Liberalism. The New York Times. 18.11.2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-end-of-identity-liberalism.html?_r=0.

ны равных возможностей, которая ценит своё этническое, культурное, гендерное, сексуальное разнообразие, в которой молодому образованному поколению доступны многочисленные социальные лифты, а глобализация распахивает двери в открытый мир без границ. Однако то было скорее перечисление набора социальных достижений и устремлений США, которых действительно удалось добиться за последние 40 лет, чем конкретная программа, ориентированная на усредненного американского гражданина. Планка усреднённости в кампании Клинтон была поднята слишком высоко, автоматически исключив значительные электоральные группы, в первую очередь, белый рабочий класс и людей консервативных религиозных взглядов. В итоге $\frac{2}{3}$ голосов белых избирателей, не получивших образование в колледже, а также 80% голосов белых евангелистов ушли к Трампу. Иными словами, Клинтон крайне неудачно сыграла на серьёзном ценностно-электоральном разломе, который в итоге ещё больше его усугубил. По словам Лиллы, в ценностном либерализме как таковом нет ничего плохого, так как он позволил преодолеть ряд общественных стереотипов, однако он породил поколение либералов, которые имеют условное представление о другой Америке и крайне идеологизированно смотрят на категории класса, войны, экономики и общего блага.

Фундамент либеральных ценностей поддерживают система образования, ведущие СМИ, Голливуд. Когда новые, особенно образованные, поколения интегрируются на рынке труда, они естественным образом меняют систему взаимоотношений между работодателями и наёмными работниками, требуя соблюдения условий равенства и политкорректности. Идеологический кризис Республиканской партии заключался в том, что долгое время она была выключена из ценностного дискурса, потому что степень её влияния на формирование общественного сознания остаётся крайне низкой. Например, несколько исследований показали, что в системе американского высшего образования республиканцы составляют лишь от 6 до 11% в гуманитарных науках и от 7 до 9% в социальных. В таких дисциплинах, как социология, история, антропология, литература, английский язык почти не встречается людей, которые идентифицируют себя с

республиканскими ценностями. В то же время 18% преподавателей социальных наук считают себя марксистами – то есть студенту, попавшему в американский университет, проще будет попасть под влияние левых, чем консервативных, идей и ценностей⁵⁸. Подобные идеологические рамки распространяются далеко за пределы университетских кампусов, они отражаются и на взаимоотношениях на рынке труда, воспроизводятся в СМИ и социальных сетях и т.д.

Отметим и следующее обстоятельство. Согласно опросам на выходе с избирательных участков, которые провёл CNN, Трамп завоевал симпатии 53% белых выпускников колледжей, 52% голосов белых женщин (Клинтон – лишь 43%), 47% белых американцев в возрастной когорте 18-29 лет (Клинтон – 43%), 48% белых выпускников колледжей (Клинтон – 45%). Таким образом, данные не вполне укладываются в экономические объяснения. Более того, свыше половины из 36% американцев, получающих менее 50 тыс. долл. в год, голосовали за Клинтон, а остальные 64%, получающие больше, проголосовали за Трампа и Клинтон в соотношении 49:47. Следовательно, бедные были более благосклонны к Клинтон, а имущие – к Трампу⁵⁹. Следовательно, картина более сложна и не сводится к упрощённому описанию.

Контрреакция на распространение либеральных ценностей в обществе долгое время оставалась незамеченной и практически табуированной темой для широкого обсуждения, однако кампания Трампа сняла все запреты. И всё же будет упрощением сказать, что Трамп апеллировал исключительно к той части населения, которая чувствовала себя исключённой из либерального сообщества. Либеральная идентичность является лишь частью проблемы, в конце концов, было бы ошибочно считать, что основу электората Трампа составили ультраконсервативные граждане. Это люди, которые часто вообще не мыслят идеологическими категориями, однако они уверены, что раньше Америка

⁵⁸ Kristof N. A Confession of Liberal Intolerance. The New York Times. 07.05.2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/05/08/opinion/sunday/a-confession-of-liberal-intolerance.html>.

⁵⁹ CNN Exit polls: URL: <http://edition.cnn.com/election/results/exit-polls>.

была лучшим местом и хотят вернуть ту страну, которую помнят. Соответственно, основу электората Трампа составила не молодёжь; напротив, опросы показывали, что если бы на выборах голосовали только граждане 18-25 лет, Клинтон могла бы победить с фантастическим перевесом 504 выборщика против 23 у Трампа⁶⁰. В этом заключается ещё один большой провал кампании демократов – её низкий мобилизационный потенциал и неспособность привести молодёжь на избирательные участки. Возможно, симпатизирующие демократам граждане были слишком уверены в её победе, так как за всё время предвыборных опросов Трамп ни разу не выглядел фаворитом (формально опросы были верными, так как в итоге Клинтон набрала почти на 3 млн, или свыше 2% больше голосов⁶¹, но проиграла в нескольких ключевых для демократов штатах). С другой стороны, несмотря на поддержку делегатов во время праймериз, фокус-группы и опросы показывали, что граждане чаще отдавали предпочтение Берни Сандерсу, чья антиглобалистская, протекционистская риторика была гораздо ближе к Трампу, чем к Клинтон⁶².

В отличие от Сандерса, Трамп быстрее развернул свою кампанию на целевые группы белых американцев средних лет, которые опасались не столько либеральных ценностей как таковых, сколько того, что они более не чувствовали себя в безопасности. Трамп успешно совместил агрессивную риторику по отношению к крупному бизнесу, глобализации и истеблишменту с успокоительными обещаниями защитить простого, забытого всеми американца. Он единственный из всех кандидатов от республиканцев пообещал сохранить гражданам их пенсии, а также конкретный, хотя и радикальный, способ сохранения уровня зарплат и рабочих мест – через ужесточение миграционной политики. Несмотря на то, что его моментально обвинили в ксе-

⁶⁰ Katz C. Here's what the Electoral College map would look like if only millennials voted. Mic. 25.10.16. URL: <https://mic.com/articles/157558/here-s-what-the-electoral-college-map-would-look-like-if-only-millennials-voted#.RHfm0JUFC>.

⁶¹ По доле голосов результат Трампа оказался худшим с 1876 г. Electors remain faithful to Trump and select him as official winner. URL: <http://edition.cnn.com/2016/12/19/politics/electoral-college-donald-trump-vote/index.html?adkey=bn>.

⁶² Cassidy J. Did the Media Get the Democratic Debate Wrong? The New Yorker. 15.10.2015. URL: <http://www.newyorker.com/news/john-cassidy/did-the-media-get-the-democratic-debate-wrong>.

нофобии и расизме, Трамп прекрасно осознавал, что подобная риторика сработает для его целевых групп, потому что впервые кто-то заговорил с ними на понятном им языке. Неудивительно, что, согласно опросам, в социальной общности, которая объединилась вокруг Трампа, 63% хотели бы отмены права предоставления гражданства детям, рождённым нелегальными мигрантами на территории США⁶³.

Примечательно, что большинство из наиболее антисистемно настроенных граждан проживают преимущественно в этнически гомогенных районах Америки и крайне редко сталкиваются с мигрантами. Однако риторика Трампа помогла им идентифицировать себя как проигравших борьбу за достойный уровень жизни с другими регионами, возрастными группами, мигрантами и меньшинствами. В этом смысле, кампания Трампа была построена вокруг малых сообществ, которые он смог точно выхватить из общего социального ландшафта, что стало прекрасной иллюстрацией работы механизма групповой самоидентификации. Помимо этого, Трамп чётко проследил динамику изменений на рынке труда и выявил даже не штаты, а конкретные округа, на которые нужно делать основной упор. В итоге, из 17 штатов, в которых безработица возросла за последний год, Трамп победил в 14. В штабе демократов до последних месяцев избирательной гонки не придавали серьёзного значения повышенному вниманию Трампа к таким штатам, как Пенсильвания и Мичиган, которые несколько десятилетий подряд считались исконно демократическими.

Перспективы для США и мира

В конечном счёте, Трамп победил в условиях разобщённой политической системы и расколотом обществе. Единственный из кандидатов, он сделал основанием своей кампании не только конкретные социальные общности, но и сам факт социально-политического кризиса. И тем не менее, слишком рано говорить о том, каким будет президентство Трампа для Соединённых Штатов и всего остального мира. Пока можно делать лишь предпо-

⁶³ Frum D. The Great Republican Revolt. The Atlantic. 2016. Jan/Feb Issue. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/01/the-great-republican-revolt/19118/>

ложения, основанные на предвыборной риторике Трампа и вероятностях того, в какой степени Трамп действительно намерен и сможет претворить её в жизнь.

Главный вопрос заключается в том, насколько серьёзны его обещания нарастить внутренний экономический потенциал Соединённых Штатов в русле глобализационных и интеграционных процессов. Экономическая программа Трампа, уже получившая название трампономики, подразумевает увеличение добывающих мощностей американских энергетических корпораций, полноценное возрождение автомобильной промышленности и внутреннего американского производства в целом. Из-за оптимизации труда производственные отрасли потеряли более 5 млн рабочих мест с 2000-х гг., о чём говорил Трамп в ходе своей предвыборной кампании, обвиняя в этом, прежде всего, глобализацию и мигрантов. Впрочем, основную роль в сокращении рабочих мест, скорее всего, сыграла не столько глобальная экономика, сколько технологический процесс и автоматизация производства (которые, сами по себе, конечно, также косвенно порождены глобализацией)⁶⁴. Однако вряд ли Трамп хотел бы замедлить развитие технологий – показатель, по которому США вступают одним из мировых лидеров.

Трамп намерен также увеличить вливание бюджетных денег в военно-промышленный комплекс и большие инфраструктурные проекты, такие как строительство дорог, мостов, железных дорог, аэропортов и т.д. Правда, для этого ему понадобится согласие Федеральной резервной системы, которая должна будет изменить свою кредитно-денежную политику, а также одобрение Конгресса, который все последние годы, напротив, блокировал предложения Обамы по увеличению расходов. С высокой долей уверенности можно предсказать, что будут снижены налоги, особенно для крупных корпораций, что также может стимулировать рост экономики. Другим ключевым решением Трампа может стать пересмотр закона Додда-Франка, введённого администрацией Обамы для контроля над финансовым сектором.

⁶⁴ Cocco F. Most US manufacturing jobs lost to technology, not trade. The Financial Times. 02.12.2016. URL: <https://www.ft.com/content/dec677c0-b7e6-11e6-ba85-95d1533d9a62>.

Акции ведущих банков поднялись в среднем на 20% с момента избрания Трампа в ожидании каких-либо ослаблений. С другой стороны, ряд представителей банковского сектора уже заявили, что введение новых правил, даже если они будут направлены на дерегулирование, должно носить умеренный характер и не привести к полной отмене контроля, так как банковский сектор всё ещё недостаточно стабилен.

Однако главный и пока самый загадочный аргумент всей программы Трампа касается возможного пересмотра роли США в 14 глобальных торговых соглашениях и обещаний ввести протекционистские меры в виде заградительных барьеров для импорта. Трамп обещал выйти из Транстихоокеанского партнёрства, прекратить переговоры о Трансатлантическом партнёрстве (которые, впрочем, практически провалились ещё до выборов), пересмотреть неправильное, на его взгляд, соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли (NAFTA), ввести пошлины на товары из Китая (45%) и Мексики (35%) и пр. Трамп не позиционирует себя как противник свободной торговли, однако считает, что вся глобальная экономика работает против США, в результате чего страдает средний класс. Подобную риторику, очевидно, услышат многие группы интересов, представляющие американскую индустрию, которым вполне по силам сформировать мощную лоббистскую коалицию на Капитолийском холме. Причём, чем менее конкурентноспособной на внутреннем и мировом рынке будет компания или группа компаний, тем больше усилий они будут прилагать для собственной защиты или защиты отрасли, лоббируя выделение им субсидий, либо введение протекционистских мер.

В реальности, дальнейшее развитие американской экономики представляет собой гораздо более сложный выбор, чем дальнейшая интеграция в свободную торговлю, либо протекционизм. Скотт Линсиком из Института Катона указывает, что непрекращающееся снижение количества рабочей силы в производственном секторе началось не сегодня – эта тенденция проявилась с 1979 г. В то же время США занимают второе место по производству в мире после Китая и одним из лидеров в сфере инноваций, что делает их наиболее привлекательным государ-

ством для прямых инвестиций (384 млрд долл.)⁶⁵. Однако в стране действительно существует дисбаланс между макроэкономическим ростом и снижением доли американских граждан во внутренней рабочей силе. По словам главного редактора «The National Review» Рича Лоури, «даже те исследователи, которые обнаружили негативное воздействие на уровень доходов и занятость американских граждан после шока, вызванного активным вхождением Китая в мировую экономику, считали, что проблема не в свободной торговле как таковой. Речь скорее идёт о слишком медленном процессе приспособления американского рынка труда к новым условиям»⁶⁶.

Даже если Трампу удастся консолидировать вокруг себя промышленность, ВПК и финансовый сектор, ему придётся столкнуться с сильным сопротивлением как внутри США, так и со стороны международных партнёров. Несмотря на то, что политический момент для активных действий Трампа очень подходящий, так как Белый дом, Конгресс и Верховный суд контролируют республиканцы, уже формируется сильный оппозиционный блок. В него входят не только проигравшие демократы, но также и многие республиканцы, которые пока не до конца понимают, насколько Трамп сможет выразить позиции и идеологию партии. Также вероятно, что произойдёт резкая активизация представителей высокотехнологичного и инновационного сектора, ряда телекоммуникационных компаний, этнических диаспор, защитников окружающей среды, ассоциаций малого и среднего бизнеса, средних банков, сектора услуг, групп людей свободных профессий, университетской и экспертной элиты, влиятельных СМИ и всех тех, кто считает, что либеральные ценности находятся под угрозой. За пределами Соединённых Штатов протекционистская риторика уже вызвала всплеск эмоциональных реакций со стороны политиков, дипломатов, бизнеса и СМИ. Ведущие экономики Евросоюза, Япония, Южная Корея, Китай, Мексика, Канада и прочие страны, которые находятся в

⁶⁵ Lincicome S. The Truth about Trade. Cato Institute. 11.04.2016. URL: <https://www.cato.org/publications/commentary/truth-about-trade>.

⁶⁶ Lowry R. Trump Makes Protectionism Great Again. Politico Magazine. 30.06.2016. URL: <http://www.politico.com/magazine/story/2016/06/trump-makes-protectionism-great-again-214002>.

тесной взаимосвязи с США, почувствовали угрозу, исходящую от столь кардинальной смены курса, хотя она толком ещё даже не началась.

Самым негативным сценарием президентства Трампа для системы международных отношений может быть цепочка протекционистских мер, вводимых по всему миру, что может спровоцировать торговые войны и усиление международной напряжённости. В частности, тень торговой войны с Китаем явно не будет способствовать урегулированию конфликтостенной ситуации в Южно-Китайском море. Готовность же Трампа (по крайней мере, на словах) перестать поддерживать НАТО, если европейцы не начнут сами платить за свою безопасность, может подорвать основы альянса и привести к полному реформатированию системы европейской безопасности. Естественно, все подобные сценарии пока носят весьма умозрительный характер, так как предвыборная риторика не всегда означает её реализацию, исходя как из объективных, так и субъективных причин. Единственный вывод на настоящий момент заключается в том, что американская политическая система, англо-саксонский мир и всё мировое сообщество вступили в новую фазу развития, которая будет определяться пересмотром ряда основополагающих принципов либерального консенсуса трёх последних десятилетий.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В определённом смысле 2016 год стал 1968 годом наоборот⁶⁷.

Р. Лиддл

На рубеже веков сдвиг мейнстримовских политических партий к центру (хотя понятие «центр» политического спектра подвижно) в попытке привлечь избирателей привело к тому, что в определённой мере они утратили своё политическое лицо вплоть до использования «краденых лозунгов», что превратило их во

⁶⁷ «In a sense, 2016 is 1968 in reverse» – Liddle R. Donald Trump represents the new normal – on both sides of the Atlantic. URL: <http://www.spectator.co.uk/2016/11/donald-trump-represents-the-new-normal-on-both-sides-of-the-atlantic/>

«всеохватные партии» (catch-all parties). Партийные программы утратили идейную последовательность, став эклектичными наборами для потребления избирателем любых взглядов.

При идеологическом вакууме происходит фрагментация политического поля, политические предпочтения граждан зависят от текущих общественно значимых событий, а не их идейных установок или партийной лояльности. Отсутствие ярких, привлекательных для избирателя концепций и лозунгов приводит к повышению роли лидера партии.

Создаётся впечатление, что на смену «-измам» пришли «-экзиты». Многие политологи отмечают подъём «авторитарного популизма», «альтернативных правых», создание на краях политического спектра малых «анти-системных» партий с харизматичными лидерами и их политический прорыв.

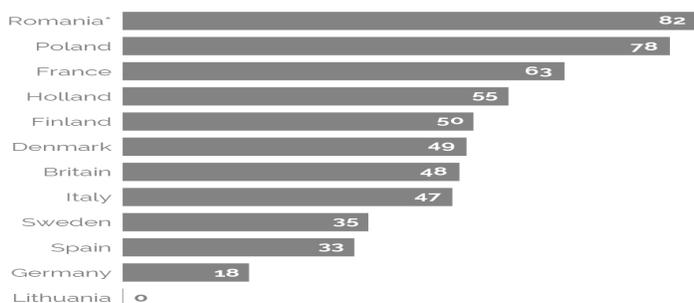
«Третий путь» – проявление постмодернизма в политической сфере – пришёл на смену «авторитарному популизму» на противоположном фланге политического спектра. Этим термином обозначали политический курс Р. Рейгана и М. Тэтчер, для которого считали характерным пренебрежение правами человека, неприятие иммиграции, евроскептицизм (в Британии) и упор на обороне в сфере внешней политики. С приходом к власти Б. Клинтона и Т. Блэра термин, как и силы, которым его охарактеризовали, отошли на поля политологических текстов и обочину политической жизни. Однако в последние годы термин вернулся на первые страницы и на авансцену общественной жизни. ПНСК в Британии, АдГ – в ФРГ, Национальный фронт – во Франции и победа Д. Трампа в США показали, что биполярное противопоставление «лево- и правоцентристов» уступает более сложной конфигурации «авторитарного популизма против элиты» или «истеблишмента против анти-системных сил». Опрос «Yougov»⁶⁸ показал, что в 8 из 12 стран Европы половина респондентов придерживается «авторитарного популизма». В развитых странах ЕС авторитарный популизм коррелирует с евро-

⁶⁸ Авторитарный популизм, согласно опросу, предполагает неприятие иммиграции, пренебрежение правами человека, «сильную» внешнюю политику, евроскептицизм. Twyman J. Trump, Brexit, Front National, AfD: branches of the same tree. URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/11/16/trump-brexit-front-national-afd-branches-same-tree/>

скептицизмом (в Румынии это не так), а потому ЕС будет нацелен на «жесткий» Брекзит, чтобы доказать: жизнь вне ЕС непривлекательна.

Те политические силы, которые смогут объединить этих избирателей, смогут и добиться победы над достаточно единым блоком «право- и левоцентристских либералов», что скажется на судьбе всей Европы. Тот же опрос показал долю приверженцев АП по странам ЕС. При всей спорности отсутствия сторонников АП в Литве данные позволяют составить представление о настроениях в Европе.

Authoritarian populism (AP) across Europe
% of voters with AP views

*all AP groups in Romania are pro-EU
October 2016

YouGov | yougov.com

В Британии общая доля приверженцев АП 48% (19% – твёрдые приверженцы авторитарного популизма, 29% – умеренные). Что касается возрастных категорий, то среди твёрдых приверженцев АП 8% моложе 30 лет, 8% – от 30 до 40 лет, 24% – от 40 до 50 лет, 19% – от 50 до 60 лет, 42% старше 60 лет. Среди умеренных приверженцев АП – 9% моложе 30 лет, 10% – от 30 до 40 лет, 23% – от 40 до 50 лет, 23% – от 50 до 60 лет, 35% старше 60 лет.

Уровень образования также показателен: среди твёрдых приверженцев АП 24% имеют низкий уровень образования (квалификацию), 51% – средний, 24% – высокий; среди умеренных 40% имеют низкий уровень образования (квалификацию), 51% – средний, 21% – высокий⁶⁹.

Авторитарный популизм получил широкое распростране-

⁶⁹ Ibid.

ние среди избирателей Консервативной партии (умеренные АП 29%, твёрдые сторонники АП – 39%) и ПНСК (59:38), но может получить распространение и среди сторонников Лейбористской партии.

Экономисты занимались проблемой бедности, но не занимались проблемой неравенства доходов. Предполагалось, что поскольку ВВП («пирог») растёт, то каждый так или иначе будет получать всё «бóльший кусок». Акцент на объёмах производства подкреплял эту концепцию социального мира, а акцент на доходах поднимает чреватый социальным конфликтом вопрос о том, кто сколько получает и за что⁷⁰. Отсюда следует, что элитам в долгосрочных целях сохранения ЕС и самосохранения следует решить вопрос о неравенстве доходов.

Исследователи в Азии⁷¹ анализируют Брекзит и избрание Д. Трампа президентом США с точки зрения глобальных изменений, считая частным фактором неравенство в доходах, порождённое перемещением рабочей силы и предприятий. Технологические прорывы больше, чем глобализация, углубили экономическое неравенство, вызвавшее политические потрясения в развитых странах.

Правящие круги в развивающихся странах, обозначив неравенство как основную проблему, занялись социальной мобильностью, чтобы глобализация и инновации не вытеснили на обочину жизни средний и рабочий класс в странах и не расчистили путь местным версиям Трампа и Брекзита. Политический рецепт прост: заботиться об уязвимых слоях населения, проводить профессиональную переподготовку и создавать новые рабочие места для высвобождаемых работников.

Тем не менее, подобные рецепты не излечат общественное недовольство, подпитывающее подъём популизма, поскольку

⁷⁰ Galbraith J.K. отмечал в своей книге «The Affluent Society» (1958), что «неравенство перестало занимать умы людей». См.: Lepenies P. The Power of a Single Number, 2016.

⁷¹ Quah D., Mahbubani K. The Geopolitics of Populism. https://www.project-syndicate.org/commentary/populism-driven-by-geopolitical-change-by-danny-quah-and-kishore-mahbubani-2016-12?utm_source=MadMimi&utm_medium=email&utm_content=Project+Syndicate%27s+World+Affairs+Update&utm_campaign=20161206_m135967246_Project+Syndicate%27s+World+Affairs+Update&utm_term=The+Geopolitics+of+Populism.

экономическое неравенство не представляет собой корень проблемы. Причина недовольства – утрата контроля.

Самые крупные чеки за Брекзит выписали богатые бизнесмены. И основным императивом для рядовых британцев были другие бедные люди – иммигранты, а не богатые люди. Безусловно, неравенство в доходах служило фоном, но не было основным мотивом для «брекзитёров».

Объединяет «брекзитёров» и сторонников Трампа не то, что их обошли блага глобализации, а скорее общее ощущение беспокорства из-за неспособности контролировать свои судьбы. Экономическое неравенство может усиливать чувство отчаяния, но на всех ступенях распределения доходов люди испытывают тревогу. Парадоксально, сторонники Брекзита и Трампа испытывают последствия глобализации потому, что неравенство в доходах в мире снизилось: глобализация привела к тому, что в странах формирующихся рынков сотни миллионов поднялись над уровнем бедности. В 1990-х гг. совокупный ВВП (по обменному курсу) формирующихся рынков составлял едва $\frac{1}{3}$ от совокупного ВВП «большой семёрки», а к 2016 г. разрыв нивелировался.

Не растущее неравенство доходов в отдельных странах, а снижение неравенства в доходах в мире усиливает давление на мировой порядок. Растёт несоответствие между тем, что могут предложить страны Запада, и требованиями формирующихся рынков. Мощь трансатлантической оси, повелевавшей миром, размывается и ускользает, и ощущение утраты контроля испытывают политические элиты этих стран, равно как и обычные граждане.

Трамп и Брекзит апеллировали к избирателям своим стремлением восстановить контроль над меняющимся мировым порядком. Геополитический подъём формирующихся рынков, особенно в Азии, требует нового равновесия, иначе нестабильность в мире будет лишь нарастать. Устранение разрыва в доходах в развитых странах поможет их бедным, но не устранил их тревогу.

Однако возвращается ли авторитарный популизм в прежнем содержании? И не был ли сам либеральный постмодернизм по-

пулистским? Оба Брекзита постмодернисты преподносят, по словам Р.А. Легутко, как «восстание непросвещённых, растерянных и манипулируемых масс против просвещённых элит». Он отмечает, что «либерализм, несмотря на хвастливые заявления об обратном, никогда не был о разнообразии, о множественности или плюрализме. Либерализм хочет, чтобы все и вся были либералами, и не терпит никого и ничего, что не либерально. Именно по этой причине либералы испытывают такие сильные чувства к противникам. Тот, кто не согласен с ними, не только противник, который может быть носителем отличной точки зрения, но и потенциальный или фактический фашист, гитлеровец, ксенофоб и националист, или (как часто говорят в ЕС) популист. Такой несчастный человек заслуживает того, чтобы быть осуждённым, высмеянным, униженным и подвергнутому жестокому обращению»⁷².

Британский политолог А. Ливен⁷³ указывает на то, что правящая элита (*overclass*) отвлекла внимание низов от экономических и социальных задач (повышение зарплаты, права профсоюзов, социальные гарантии) на проблемы идентичности, права ЛГБТ, направив протест в русло, для неё безопасное и не требующее повышения налогов на богатых. Однако сосредоточенность на «культурологических» вопросах потребовала расплаты иного рода: ею стало возмущение даже умеренных консерваторов в среде рабочего класса. Более того, она показала безразличие элиты к лишениям простых людей, что больше напоминало двор Версаля в 1780-х гг., чем образцовое поведение политической элиты в демократическом обществе.

Особо примечательны наблюдения Ф. Фукуямы, автора известной книги «Конец истории или Последний человек». В ней он поднимал на щит либеральную демократию: «Человечество

⁷² Рышард Антоний Легутко – польский философ и политик, бывший госсекретарь администрации польского президента Леха Качиньского, который активно участвовал в антикоммунистическом диссидентском движении, сегодня он активно критикует современную либеральную политику. «Победа Трампа – поиск альтернативы в мире, отрицающем альтернативу». Интервью с ним: URL: <https://regnum.ru/news/polit/2209265.html>.

⁷³ Lieven A. How the Democrats should respond to Trump's election. URL: <http://www.prospectmagazine.co.uk/world/how-the-democrats-should-respond-to-trump-s-election-us-constitution>.

приближается к концу тысячелетия, и кризисы-близнецы авторитаризма и социалистического централизованного планирования оставили на ринге соревнования потенциально универсальных идеологий только одного участника: либеральную демократию, учение о личной свободе и суверенитете народа». Тем не менее, Фукуяма предупреждал, что «те, кто остался неудовлетворёнными, всегда смогут возобновить ход истории». По всей видимости, ход истории возобновился и в странах Запада. В одной из своих последних статей он указывает: «Популизм» – ярлык, который элиты навешивают на политику, поддерживаемую простыми гражданами, но неприятную истеблишменту. Конечно, нет оснований ожидать, чтобы демократические избиратели всегда делали мудрый выбор – особенно в наш век, когда глобализация до такой степени запутывает набор вариантов в сфере политики. Но и элиты не принимают верных решений, а их пренебрежение гласом народа нередко маскирует тот факт, что «король-то голый». Мобилизация народных масс сама по себе не плоха и не хороша. Она может приводить к великим свершениям, как это было в Эру прогрессизма и в эпоху «Нового курса» Рузвельта, но также и к ужасным фиаско, как это случилось в Европе 1930-х годов»⁷⁴.

Нынешний глобальный разворот, возглавленный Соединёнными Штатами и Великобританией, демонстрирует то обстоятельство, что есть другой путь – пересмотр всего механизма международной взаимозависимости и возврата к национальным интересам и меркантилизму. Означает ли перспектива нового изоляционизма, особенно со стороны ведущей военной державы, более стабильный мировой порядок? С одной стороны, Трамп не раз критически высказывался по отношению к гуманитарным интервенциям, поддерживаемым администрацией Обамы, говорил об ошибке вторжения в Ирак в 2003 г. С другой стороны, вряд ли намерения Трампа увеличить государственные расходы на ВПК и начать играть более весомую роль на энергетическом

⁷⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Пер. с англ. М.Б. Левина. – М., АСТ, 2007. – 588 с. Фукуяма Ф. Политический закат или обновление Америки? URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Politicheskii-zakat-ili-obnovlenie-Ameriki-18342>.

рынке означают, что США перестанут отстаивать свои национальные интересы за рубежом. Очевидно, что Трамп будет тесно сотрудничать с традиционными союзниками из суннитских монархий, что, наряду с критикой в адрес Ирана, не будет способствовать нормализации ситуации на Ближнем Востоке. Трамп будет готов пойти на точечное решение проблем с Россией, но одновременно он угрожает торговой войной Китаю. Пока из его заявлений не следует единая логика, непонятно, каков его взгляд на архитектуру безопасности в различных регионах мира.

Иными словами, Трамп, если он будет верен своему бизнес рационализму, вполне может начать подыгрывать набирающей обороты многополярности, договариваясь по отдельным вопросам с отдельными державами. Вопрос о том, приведёт ли такая политика к снижению международной напряжённости или, напротив, спровоцирует новый виток геополитической конкуренции, на настоящий момент носит риторический характер. Это, в значительной степени, будет зависеть от того, кто поддержит подобную философию Трампа как внутри США, так и среди традиционных союзников (в первую очередь, Британии), и насколько реализм нового президента будет действительно способствовать решению внутриэкономических и социальных проблем – то, ради чего за него голосовали американские граждане.

Победа Трампа знаменует собой глубинный разлом американской политической системы и устоявшегося набора ценностей, выразителями которых США были после Второй мировой войны и, особенно, в последние три десятилетия. Нельзя сказать, что этот разлом был неизбежным, однако накопление конфликтного потенциала внутри американского общества, наряду с рядом политических дисфункций, не встретил серьёзного осмысления со стороны истеблишмента. В итоге, победу Трампа, которая имеет целый ряд рациональных экономических, политических, социологических объяснений, восприняли как неизвестно откуда взявшееся стихийное бедствие. Более того, проблемы, которые были обнажены в ходе нынешней предвыборной кампании, оказались куда более сложными и многогранными.

И всё же, с высоты птичьего полёта, видится, что основная

причина кроется не столько в институциональной или рационально-экономической плоскостях, сколько в том, что современная либеральная идеология и рыночные ценности оказались гораздо более эксклюзивными, чем многие хотели бы думать. Прогресс за последние 30 лет развился с такой скоростью, так быстро изменил образ мышления *homo economicus*, рынок труда, способы производства, нематериальные ценности, что оставил позади значительные слои населения, которые не совсем готовы к новой эпохе, которые хотят более чётких социальных и экономических гарантий. Возможно, они и были бы к ней готовы, если бы докризисное общество потребления развивалось столь же быстрыми темпами, однако сегодня мир вступил в фазу замедленного роста, что влечёт усиление конкуренции и борьбы как между отдельными социальными группами, так и между отдельными странами.

Обращение к национализму (изоляционистского характера) вместо либерального интернационализма (с его «гуманитарными интервенциями») и стремление от идеализма во внешней политике вернуться к Realpolitik, от доброхотства политических принципов (прикрывающих вполне материальные интересы глобальной элиты) – к здравому смыслу и защите государственного суверенитета, от социально-культурных проблем – к социально-экономическим – произойдёт ли оно?

Брекзит-1 и Брекзит-2, провал переговоров по ТТИП (Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнёрству), фактический развал ТТП (Транстихоокеанского торгового партнёрства), устойчивая тенденция к «многоскоростной» Европе, очевидно, ставят глобализацию в нынешнем её варианте «на удержание».

В итоге, всё больше людей сомневается в консенсусе 30-летней давности, который обещал взаимовыгодный рынок: жители стран Восточной и Центральной Европы всё отчётливее понимают, что в ближайшее будущее им не достичь уровня зарплат Западной Европы, а наименее интегрированные в постиндустриальную экономику жители стран Запада не видят для себя преимуществ глобализации.

По наблюдению Ф. Фукуямы, «демократический» компо-

нент либеральной демократии выдвигается на первый план и мстит «либеральному» её компоненту. Если эта тенденция получит продолжение в других частях мира, то мы окажемся в очень тяжёлых временах соперничающих и разъяренных национализмов⁷⁵.

Чтобы развернуть эту тенденцию, мировым лидерам предстоит пройти через новый цикл реформ, который должен вновь сделать мировой рынок и глобальные ценности более инклюзивными.

От исхода борьбы между глобалистскими элитами и теми, кто представляет интересы национального капитала, между «вездешними», желающими переделать мир по своему образу и подобию, и «здешними», которые хотят нести ответственность за свою страну, зависят и отношения Запада с Россией.

⁷⁵ Fukuyama F. America: the failed state. Prospect Magazine. URL: <http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/america-the-failed-state-donald-trump>.

ОБ АВТОРАХ

Ананьева Елена Владимировна, кандидат философских наук, руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН. Специалист в области внутренней и внешней политики Великобритании, идейно-политических течений стран Запада. Автор индивидуальной монографии «От “нового лейборизма” к “прогрессивному консерватизму”» (Доклады Института Европы РАН. М., 2013. № 293). Общий объем публикаций превышает 100 п.л. Эксперт РАН, шеф-редактор серии «Доклады Института Европы РАН», член редколлегии журнала «Международная жизнь», член Ассоциации европейских исследований, член Ассоциации британских исследований.

Каневский Павел Сергеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии политических процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор индивидуальных монографий «Социология лоббизма» (Макс ПРЕСС. М., 2016); «Политическая стратификация в современной России: классы, элиты, группы интересов» (Академический проект. М., 2014. – 151 с.). Член редколлегии журнала «Вестник московского университета» (Серия 18: Социология и политология).

ABOUT THE AUTHORS

Dr. Elena V. Ananieva, Leading Research Fellow, Head of Center for UK Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Ph.D in Philosophy. Author of the book «From New Labour to Progressive Conservatism», over 100 articles and analytical papers on UK domestic and foreign policy, political party ideologies in the West. Russian Academy of Sciences expert. Editor-in-Chief of the «Reports of the Institute of Europe» series, member of the Editorial Board of the journal «Mezhdunarodnaya Zhizn» («International Affairs», journal of the Russian Foreign Ministry). Member of the Association of European Studies and Association of British Studies.

Dr. Pavel S. Kanevsky, Associate Professor, Chair of Political Science and Sociology, Moscow State University. Author of books «Sociology of Lobbyism» and «Political Stratification in Modern Russia: Classes, Elites, groups of Interests». Member of the Editorial Board of the journal «Vestnik Moskovskogo Universiteta» (Moscow University Messenger), Series N 18: Sociology and Political Science.

**В 2015–2016 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

317. Евроинтеграция Украины: перспективы, последствия и политика России. Под ред. А.И.Бажана. ДИЕ РАН, № 317, М., 2015 г.
318. Сепаратизм в политической жизни современной Европы. Под ред. П.Е.Канделя. ДИЕ РАН, № 318, М., 2015 г.
319. Ход, итоги и последствия всеобщих парламентских выборов 2015 г. в Великобритании. Под ред. Е.В.Ананьевой. ДИЕ РАН, № 319, М., 2015 г.
320. Выборы и избирательные кампании в Европе (21014–2015 гг.). Под ред. В.Я. Швейцера (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН, № 320, М., 2015 г.
321. 70-летие Первой ассамблеи ООН и современные вызовы международной безопасности. Под ред. Ал.А.Громько. ДИЕ РАН, № 321, М., 2015 г.
322. В.С.Циреншиков. Евросоюз: тенденции инновационного обновления. ДИЕ РАН, № 322, М., 2015 г.
323. А.Д.Хайтун. Россия – ЕС: проблемы взаимодействия в энергетической сфере. ДИЕ РАН, № 323, М., 2015 г.
324. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ РАН, № 324, М., 2016 г.
325. Ю.И.Рубинский. Судьбы гуманитарного прогресса. ДИЕ РАН, № 325, М., 2016 г.
326. Социальное развитие Европы: проблемы и перспективы. Под ред. М.В. Каргаловой и др. ДИЕ РАН, № 326, М., 2016 г.
327. Германия. 2015. Часть I. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 327, М., 2016 г.
328. Германия. 2015. Часть II. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 328, М., 2016 г.
329. Мировая валютная система: настоящее и будущее. Под ред. А.И.Бажана (отв. ред.), К.Н.Гусева. ДИЕ РАН, № 329, М., 2016 г.
330. Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия. Ч. I. Под ред. Е.В.Ананьевой (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН, № 330, М., 2016 г.
331. Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия. Ч. II. Под ред. Е.В.Ананьевой (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН, № 331, М., 2016 г.
332. Инновационное развитие в ЕС: некоторые аспекты. Под ред. Н.М.Антюшиной. ДИЕ РАН, № 332, М., 2016 г.
333. Е.Г.Энтина. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. ДИЕ РАН, № 333, М., 2016 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2015–2016

317. Euro integration of Ukraine: prospects, consequences and Russia's policy. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, № 317, M., 2015.
318. Separatism in the political life of modern Europe. Ed. by P.E.Kandel. Reports of the IE RAS, № 318, M., 2015.
319. UK General Election-2015: the Pre-election Campaign, Results and Consequences. Ed. by E.V.Ananieva. Reports of the IE RAS, № 319, M., 2015.
320. Elections and election campaigns in Europe (2014–2015). Ed. by V.Ya.Shweitzer and others. Reports of the IE RAS, № 320, M., 2015.
321. The 70th Anniversary of the First UN Assembly and Current Challenges to International Security. Ed. by A.I.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 321, M., 2015.
322. V.S.Tsirenschikov. European Union: tendencies of innovative renewal. Reports of the IE RAS, № 322, M., 2015.
323. A.D.Khaitun. Russia – EU: problems of interaction in the energy sector. Reports of the IE RAS, № 323, M., 2015.
324. The Wider Black Sea Region: contradictions and strategic solutions for Russia. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 324, M., 2016.
325. Y.I.Rubinskii. The destiny of humanitarian progress. Reports of the IE RAS, № 325, M., 2016.
326. European social development: problems and perspectives. Ed. by M.V.Kargalova and others. Reports of the IE RAS, № 326, M., 2016.
327. Germany. 2015. Part I. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 327 M., 2016.
328. Germany. 2015. Part II. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 327 M., 2016.
329. The International monetary system: present and future. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev. Reports of the IE RAS, № 329, M., 2016.
330. The UK EU Membership Referendum. Campaign, Results and Implications. Part I. Ed. by E.V.Ananieva and others. Reports of the IE RAS, № 330, M., 2016.
331. The UK EU Membership Referendum. Campaign, Results and Implications. Part II. Ed. by E.V.Ananieva and others. Reports of the IE RAS, № 331, M., 2016.
332. Innovative Development in the EU: Some Aspects. Ed. by N.M. Antyushina. Reports of the IE RAS, № 332, M., 2016.
333. E.G.Entina. European Integration of the Western Balkans: international back-ground. Reports of the IE RAS, № 333, M., 2016.

Научное издание

Е.В. Ананьева, П.С. Каневский

**БРЕКЗИТ-1 И БРЕКЗИТ-2:
БРИТАНИЯ И США МЕНЯЮТ ПАРАДИГМУ?**

Доклады Института Европы
№ 334

Подписано в печать 28.12.2016. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 4,5
Тираж 200 экз. Заказ № 947

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23